

Андрей Болотов

**Жизнь и приключения
Андрея Болотова. Описанные
самим им для...**

Андрей Болотов

**Жизнь и приключения Андрея
Болотова. Описанные самим
им для своих потомков**

«Public Domain»

1759

Болотов А. Т.

Жизнь и приключения Андрея Болотова. Описанные самим им для своих потомков / А. Т. Болотов — «Public Domain», 1759

«Не тщеславие и не иные какие намерения побудили меня написать сию историю моей жизни; в ней нет никаких чрезвычайных и таких достопамятных и важных происшествий, которые бы достойны были преданы быть свету, а следующее обстоятельство было тому причиною. Мне во всю жизнь мою досадно было, что предки мои были так нерадивы, что не оставили после себя ни малейших письменных о себе известий и чрез то лишили нас, потомков своих, того приятного удовольствия, чтоб иметь об них и о том, как они жили и что с ними в жизни их случилось и происходило, хотя некоторое небольшое сведение и понятие. Я тысячу раз сожалел о том и дорого б заплатил за каждый лоскуток бумажки с таковыми известиями, если б только мог отыскать что-нибудь тому подобное. Я винил предков моих за такое небрежение, а не хотя и сам сделать подобную их и непростительную погрешность и таковые же жалобы со временем и на себя от моих потомков, — рассудил употребить некоторые праздные и от прочих дел остающиеся часы на описание всего того, что случилось со мной во все время продолжения моей жизни, равно как и того, что мне о предках моих по преданиям от престарелых родственников моих, которых я застал при жизни, и по некоторым немногим запискам отца моего и дяди, дошедшим до моих рук, было известно, дабы сохранить, по крайней мере, и сие небольшое от забвения всегдашнего, а о себе оставить потомкам мою незабвенную память...»

© Болотов А. Т., 1759

© Public Domain, 1759

Содержание

Часть первая	6
Предупреждение	6
История моих предков и первых лет моей жизни	7
История Еремея Гавриловича	10
История ближних предков	16
История моего младенчества	19
При ревизии во Пскове	23
Дом Удрих и Лай Мыза	27
В лагере и во Пскове	33
В Курляндии	40
В мызе Пац	45
Поход в Петербург	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Андрей Болотов

Жизнь и приключения Андрея Болотова.

Описанные самим им для своих потомков

Часть первая

Начиная с предков и до 1750 года включительно

Предуведомление

Не тщеславие и не иные какие намерения побудили меня написать сию историю моей жизни; в ней нет никаких чрезвычайных и таких достопамятных и важных происшествий, которые бы достойны были преданы быть свету, а следующее обстоятельство было тому причиною.

Мне во всю жизнь мою досадно было, что предки мои были так нерадивы, что не оставили после себя ни малейших письменных о себе известий и чрез то лишили нас, потомков своих, того приятного удовольствия, чтоб иметь об них и о том, как они жили и что с ними в жизни их случилось и происходило, хотя некоторое небольшое сведение и понятие. Я тысячу раз сожалел о том и дорого б заплатил за каждый лоскуток бумажки с таковыми известиями, если б только мог отыскать что-нибудь тому подобное. Я винил предков моих за таковое небрежение, а не хотя и сам сделать подобную их и непростительную погрешность и таковые же жалобы со временем и на себя от моих потомков, – рассудил употребить некоторые праздные и от прочих дел остающиеся часы на описание всего того, что случилось со мной во все время продолжения моей жизни, равно как и того, что мне о предках моих по преданиям от престарелых родственников моих, которых я застал при жизни, и по некоторым немногим запискам отца моего и дяди, дошедшим до моих рук, было известно, дабы сохранить, по крайней мере, и сие небольшое от забвения всегдашнего, а о себе оставить потомкам мою незабвенную память.

При описании сем старался я не пропускать ни единого происшествия, до которого достигала только моя память, и не смотрел, хотя бы иные были из них и самые маловажные, случившиеся еще в нежнейшие лета моего младенчества. Сие последнее делал я наиболее для того, что напоминание и пропитывание происшествий, бывших во время младенчества и в нежные лета нашего возраста, причиняют и самим нам некоторое приятное удовольствие. А как я писал сие не в том намерении, чтоб издать в свет посредством печати, а единственно для удовольствования любопытства моих детей и тех из моих родственников и будущих потомков, которые похотят обо мне иметь сведения, то и не заботился я о том, что сочинение сие будет несколько пространно и велико, а старался только, чтоб чего не было пропущено; почему в случае если кому из посторонних случится читать сие прямо набело писанное сочинение, то и прошу меня в том и в ошибках благосклонно извинить. Наконец, что принадлежит до расположения описания сего образом писем, то сие учинено для того, чтоб мне тем удобнее и вольнее было рассказывать иногда что-нибудь и смешное.

История моих предков и первейших лет моей жизни

Письмо 1-е

Любезный приятель! Наконец решился я предпринять тот труд, который давно уже был у меня на удив, и которыми вам с толикою нетерпеливостью видеть хотелось, а именно, сочинить историю моей жизни, или описать все то, что случилось со мною во все течение моего жизни; я посылаю к вам теперь начало сего труда, предпринятого не менее для удовольствия и вашего любопытства, сколько и для пользы и любопытного сведения обо мне, моим будущим потомкам. Если труд сей будет им угоден, то должны они благодарить несколько и вас за оный, ибо если бы ныне побудили меня к тому, то может бы не собрался я никогда к действительному приступлению к сему давно уже замышляемому делу. Вы уничтожили нерешимость мою и рассеяли те сумнительства, кои удерживали меня до сего от предпринятия теперешнего и нашли способ, удостоверив меня, что обстоятельство, что жизнь моя не такова славна, чтоб стоила описания и что в течение оной не случилось со мною никаких чрезвычайных, редких и особенного примечания достойных происшествий, ни мало не мешает описать мне жизнь свою. Вы уговорили и уверили меня, что в происшествиях, бывших со мною и без того много кой-чего такого найдется, о чем можно писать и рассказывать, и о чем как вам, так и потомкам моим можно будет не без удовольствия и любопытства читать и слушать. Но я не знаю, не ошибаетесь ли вы в том, любезный приятель! Я исполню ваше желание; но буде последующее описание жизни моей не будет для вас таково любопытно, весело и приятно, как вы себе воображаете, то вините уже сами себя, а не меня; ибо мне не достанется другого делать, как пересказывать вам только то, что действительно со мною случилось и вы сами того верно не похотели бы, чтоб я для украшения моего сочинения, или для придания ему более приятности стали выдумывать небылицы, или затевать и прибавлять что-нибудь лишнее, к бывшим действительно приключениям. Теперь, прежде приступления к действительному началу моей истории, надобно вас попросить о двух вещах. Во-первых, чтоб вы дозволили мне начало учинить кратким описанием всего того, что известно мне о моих предках, дабы чрез то сохранили, память об них моим потомкам, и чтоб не поскучали вы, если описание сие, следовательно, самое начало сочинения моего будет несколько сухо и скучновато. Во-вторых, чтоб не поскучали уже и тем, что я последующую затем историю мою начну с самого моего младенчества и буду рассказывать и все то, что помню еще я из случившегося со мною в сие нежнейшее и можно сказать, наиприятнейшее для нас время жизни. Я располагаюсь делать сие для того, что напоминание сих происшествий производит самому мне некоторое увеселение, ибо человек приводя себе на память все то, что случалось с ним в младенчестве и в малолетстве, власно как возвращается на то время в тогдашний возраст и сладость тогдашней жизни, чувствует вновь и при самой своей старости. Сверх того, описание сих в самом деле, хотя сущих бездельиц, может быть придаст сколько-нибудь и всему сочинению более приятности, и сделает его для чтения не таковым скучным.

Итак, приступая теперь к самому делу, прежде всего скажу вам, любезный приятель, что я природы татарской! Вот какое странное начало, однако вы тому не дивитесь. Я говорю самую правду и ни мало не стыжусь тем; ибо подобных мне между российскими дворянами очень много; некоторые и многие из них ныне гораздо меня знатнее и лучше, но со всем тем такой же природы как и я. Ибо сие ничто иное значит как то, что первые наши предки были татары, и выехали в Россию из Золотой Орды, сего славного в древности восточного и великого царства, владевшего некогда многие годы всем Российским государством.

Кто таков именно первый основатель фамилии был? В которое время и при котором государе в Россию выехал, и где сперва поселился – того всего я подлинно ее знаю. Небрежение ли моих предков, невежество ли тогдашних времен, или иной какой случай, не могу вам

верно сказать, лишил меня сего удовольствия; одним словом, родословная наша весьма мала, и порядочной мы и по сие время не имеем. Покойный дядя мой, родной брат отцу моему оставил только мне небольшой реестр, или краткую поколенную роспись нашим предкам, которых мог он собрать из книг и дел в разных приказах.

Помянутый дядя мой рассказывал мне, что он не мог далее дойти как до Насилья Романова сына: а чей сын был Роман того уже он не знает. Может быть сей Роман был и первой тот, который выехал и принял святое крещение, что некоторым образом и вероятно, по счислению лет: ибо я смечаясь находил, что жил он около времен царя Иоанна Васильевича или прежде за несколько времени. А в сие время, как известно, многие татарские фамилии к нам выехали и в здешних местах поселившись, приобщены были российскому дворянству и натурализованы. Какой он человек был, всего того не знаю: а сказывала мне одна только старушка, ближняя моя родственница, которую застал я еще в живых, что слыхала она от своего деда, что самые выезжие предки наши были знатной татарской и княжеской породы, да и здесь не служил никто из них низким чином, но бывали всегда чиновными людьми, и хаживали с царями на войну. Правда ли все сие или нет, в том поручаюсь, по крайней мере, то достоверно, что мы ныне на ряду с прочими российскими дворянами, и имеем все те же преимущества, какие они имеют.

У упомянутого Василия был один только сын Гаврило, прозвищем Горяин, а у сего Горяина было два сына: Ерофей и Еремей. О сем Еремее расскажу я вам после обстоятельнее, а что касается до Ерофея, то от него разделялась фамилия наша на четверо, ибо у него было четыре сына: Осип, Кирила, Ерофей и Дорофей; но поколение сих последних двух, уже давно, а третьего недавно и при мне уже пресеклось. Я и мой двоюродный брат происходим от поколения Осипова, а дом за несколько лет умершего соседа моего, после которого находится ныне в живых одна только дочь, происходит от поколения Кирллова.

Ежели хотите далее звать, кто таковы обоих сих колен ближайшие к нам предки были, то вкратце теперь скажу, что от Кириллы был сын Матвей, от Матвея Никола, от Никиты же подавно умерший Матвей; а в рассуждении нашего поколения от Осипа был Ларион, от Лариона Петр, от Петра Тимофею и Матвей. Первый был отец мой, а последний моего двоюродного брата.

Из сего видите, что весь наш род очень не велик, и Провидению небес не угодно было сделать его многочисленным. Ныне вся наша фамилия состоит в четырех особах: двух старых и двух молодых, и я с братом и обоими нашими сыновьями, составляем всю оную. О месте, где жили предки наши, мы подлинного знания не имеем. Сказывали только мне, что до сего жили они хотя в том же Каширском уезде, но верст с двадцать от нынешнего жилища, а именно на реке Беспуте. Но как бы то ни было, но то достоверно, что они не в тех местах жили, где ныне мы живем, ибо видно по книгам и письмам, что имели тут совсем другие люди жительство и владение. В одном принадлежащем нам теперь месте жил некой князь Шестунов, почему находящийся после сего места лес и поныне еще называют Шестунихою. А в другом, а именно в пустоши Шаховой, жил князь Гундоров, в которых урочищах и самые места, где были их жительство, видны и поныне. Овинные и погребные ямы доказывают где их дворы стояли, а части оставшиеся от плотин, где их пруды были. Чрез какой случай сии селения опустели, неизвестно, но чаятельно чрез свирепствующее в тогдашние времена моровое поветрие, а может быть разорены они и во время войны татарское. Но как бы то ни было, но сии опустевшие места даны потом за службы нашим предкам, кои около сих мест имели уже поселение свое на речке Скниге и в другой, в близости того места бывшей деревни, носящей и по ныне еще имя их фамилий. Кирила и Ерофей, жили уже в здешних местах и имели дачи и владение на реке Скниге, которыми владеем мы и поныне.

Что касается до истории и до дел наших предков, то равномерно имею я о том очень малое и недостаточное сведение. Невежество тогдашних времен было тому причиною, что они не старались оставить потомкам своим о том какого-нибудь сведения, хотя бы то было для нас

ныне весьма приятно и я дорого бы заплатил, если бы мог только отыскать и достать какие-нибудь письменные об их породе, их жизни и приключениях известия. Итак, все известное об них состоит только в некоторых словесных преданиях, да и то очень несовершенных и темных. Знатных и отменно прославившихся людей не было между ними. Не хочу я тем хвастать, а неугодно было также судьбе одарить их и знаменитыми достатками, и преподать им случай по примеру прочих приобрести себе богатство, но они были дворяне недостаточные и не знаменитые. При случающихся войнах хаживали они на войну с царями нашими, и наживали с собою по несколько человек собственных своих людей, по тогдашнему обыкновению. Когда же в новейшие времена введено в войске нашем регулярство, то служили они в полках офицерами. Однако выше штабского чина никого почти не было из старых.

Об одном только из наших старинных предков, а именно о Еремее сыне ГавриLINE, а внуке Василия Романовина, передана мне повесть, которая по особенности своей достойна внесена быть в сие описание, но как она довольно пространна, то дозволяйте мне, любезный приятель, рассказание оной отложить до последующего за сим второго письма, а между тем, будьте довольны сим первым, и не взыщите, что наполнил его столь сухою материей, будущее может быть будет уже для вас любопытнее, и не таково скучно. Я окончу оное сказав, что я есмь, и прочее.

История Еремея Гавриловича Письмо 2-е

Любезный приятель! Обещав вам в предыдущем моем письме рассказать вам повесть, преданную мне об одном из моих предков, хочу теперь обещание мое исполнить и надеюсь, что вы не поскучаете ее чтением, но будете ею довольны.

Предок сей, как прежде мною уже упомянуто, назывался Еремеем; он был сын Гаврилы прозванного Горяном и жил в упомянутой недалеко от нас находившейся и на речке Гвоздевке сидящей деревне, которая по нем стала называться Болотово, между тем как брат его родной Ерофей поселился на берегах реки Скниги и в самом том месте где мы ныне живем. У сего Еремея было два сына и две дочери. Одна из сих последних выдача была замуж за соседнего дворянина Ладыженского, а другая находилась в девках. Как около тогдашнего времени случилось нашим государям иметь войну с крымскими татарами, и все дворянство по тогдашнему обыкновению имело в том участие, то принужден был и помянутый Еремей, оставив жену и дочь в девках, идти на оную с обоими своими сыновьями и лучшими людьми. Но сия война была ему крайне злополучна. При глазах его поражены были оба его сыновья и пали мертвы к ногам своего родителя. Сие так тронуло сего несчастного старика, что он в беспамятстве почти бросался на неприятелей, желая отмстить за смерть детей своих, но тем лишь только свое несчастье усугубил. Будучи отхвачен от своих, хотя и долго оборонялся он от окруживших его неприятелей, но наконец принужден был уступить силе и дать себя взять в плен и отвезти в жестокою неволю.

Как в сем плену препроводил он долгое время, и о нем в России никакого слуха и известия побыло, то считали его все погибшим; жена и дочь были о лишении его неутешны, но небо в особливости изливало гнев свой на сей несчастный дом, и присовокупило новые бедствия и напасти. Немногие годы спустя, ночным временем напали разбойники на дом сей госпожи; они ограбили оный весь и самое ее измучив, тираническим образом лишили жизни. Бедной дочери ее удалось уйти босиком и совсем почти обнаженною. К несчастью, утраченная боязнию, чтоб ее не нашли и не догнали, восприяла она бежать в близкую и самую ту деревню, где мы ныне обитаем, и где тогда жили двоюродные ее братья Кирила и Ерофей, искать у них спасения и прибежища. Но когда разгневанное небо похочет кого гнать, то можно ли найти где спасения и укрытия от его гнева. Самый сей побег, свободивший ее от рук и варварства злодеев, обратился ей в вящее несчастье. Как случилось сие в зимнее время и в жесточайшие морозы, то она, бежав около трех верст до нашей деревни босая по снегу, отзнобила ноги и пришед в дом родственников своих пала без памяти. Страх, печаль, простуда и самая боль ног в короткое время низвели ее во гроб. А как за короткое пред тем время и замужняя ее сестра умерла бездетно, то пресекольсь чрез то все их поколение, и имению их остались наследниками помянутые ее родственники, то есть наши предки Кирила с своими братьями, в которое они поступили спокойно во владение.

Все думали тогда, что отца ее, настоящего владельца сего имения, не было в живых, ибо несколько уже лет прошло как он без вести пропал и ее было о нем ни малейшего слуха. Со всем тем он был жив и претерпевал все суровости плена; слишком двадцать лет принужден он был, удаленным от отечества, от дома и родных своих, стонать под игом жесточайшей неволи, быть рабом у многих переменных и немилосердных господ, и отправлять все должности раба и невольника. Многажды покушался он уйтить, но все его покушения были тщетны и произвели только то, что содержать его стали жесточее, а для отвращения от побега, по варварскому своему обыкновению, взрезали ему пяты, и насыпав рубленых лошадиных волос, зарастили оные в них, дабы не способен был к долговременной ходьбе.

Наконец судьба соединила его с одним земляком, таким же дворянином, каков был он, и который был не только ему знаком, но и несколько сродни. Сей несчастный был фамилии Писаревых, и будучи взят тогда же в полон, претерпевал такую ж неволю и рабство. Хотя сей столько же мало мог подать ему помощи, сколько он ему, однако обоим им приносило соединение сие великую уже отраду. По крайней мере могли они совокуплять все слезы и жалобы на суровость своего жребия, и вспоминая свою родину, говорить друг с другом и утешать себя взаимно.

Несколько времени препроводили они вместе, служа одному татарскому господину. Наконец убежден был мой предок товарищем своим к испытанию еще раз своего счастья в побеге. Близость тогдашнего их пребывания от пределов и границ российских и явившейся удобный к тому случай подавал им к сему поводы – но и в сей раз не были они счастливее прежнего. Они ушли, но их догнали и наказали наижесточайшим образом.

Сие прогнало в них охоту к предприятию впредь тому подобного. Однако в самое то время, когда они всего меньше о том думали, и когда лишились уже навек надежды видеть когда-нибудь любезное свое отечество, явился неожиданный и новый благоприятствующий им случай. Одна старушка, раба того ж господина, сжалилась на их несчастье. Благоприятствуя им во всякое время, не могла она без соболезнования смотреть на раны ими претерпеваемые. Она утешала их и говорила, что им никогда не уйтить, если не похотят они пользоваться ее помощью, при ее ж вспоможении они верно отечество свое увидеть могут. Легко можно заключить, что не надобно было им сие два раза предлагать. Они пали к ее ногам и просили, чтобы помогла, если только может. Татарка обещала им сие сделать и велела дожидаться, покуда найдет она к тому удобное время.

Чрез несколько дней она и исполнила свое обещание: «добро!», сказала она пришед в один день с поспешностью к ним: «мне надобно сдержать свое обещание, не могу более видеть ваших слез и горести, – добродушие и постоянство ваше меня тронуло – вот возьмите сие, и не теряя времени бегите и будьте счастливы. Бог да поможет вам увидеть вашу землю и родных ваших». В самое то время отдала она им связку и напоминала, чтобы они в нужном случае хоть бы все кинули, но не бросали б, а берегли маленький узелок, завязанный в связке. Они не знали, что это значит, однако, поблагодарив старушку и простившись с ней, отправились того часа в путь свой.

Целую ночь бежали они неоглядкою в ту сторону, которую указала им старушка, и дошед до одного назначенного ею места, спрятались в камыш для отдохновения и препровождения в оной всего дня того.

Тут имели они время осмотреть все, что находилось в связке. Они увидели, что добросердечная старушка снабдила их всем нужным к продолжению пути их. Находилось тут несколько денег, и столько съестных припасов, что им можно было ими до пришествия в свое отечество пропитаться; но что привело их в великое удивление, то был помянутый узелок, о бережении которого старушка неоднократно ишь делала подтверждение; в оном не нашли они ничего, кроме двух небольших пучков незнакомой им травы; хотя они и не знали, чтоб это значило, однако положили свято хранить старушкино завещание, и для лучшего сохранения взяли оба по пучку, и спрятали в безопаснейшее место.

Но не успели они скарб свой опять связавши несколько отдохнуть, как услышали уже издали крик и вопль татар, скачущих по пространным степям и друг другу голос подающих. Не трудно было им заключить, что то была за ними погоня. Они ужаснулись от близости предстоящего им бедствия, и пали ниц в густом камыше, прося Бога о помиловании их и о защите от гонителей. Слух и топот от скачущих лошадей приближался отчасу ближе, и страх их был неописанный, как татары, гнавшие за ними и их повсюду тискавшие, прискакали к самому тому болоту и камышу и в оном повсюду искать их начали. Но небо похотело тогда конец положить их страданиям: татары не нашли их, хотя несколько раз ни в такой близости

от них ездили, что одному из них едва было головы лошадьми не раздавили. Они спаслись, – и возблагодарив Бога, пролежали тут весь день, и не прежде пошли в дальнейший путь, как по наступлении опять ночи.

Сим образом, идучи всегда по ночам, препроводили они несколько суток в беспрестанном страхе и боязни, покуда не дошли благополучно до пределов российских и не достигли до любезного своего отечества. Тут отдохнули они по желанию и благословляли Бога, что вывел их благополучно наконец из долговременной и жестокой неволи, и дал еще прежде смерти увидеть свое малое отечество.

Совсем тем место их родины отстояло отсюда еще далеко, и им предстоял путь гораздо дальнейший. Но как бы то ни было, но продолжали они оный охотно, питаясь мирским подаванием, ибо собственного ничего более у себя не имели. Надежда вскоре увидеть свои дома и родных увеселяла их дух, и облегчала трудности путешествия. Но сколь мало знал мой предок, какие печальные вести его там дожидаются, где он веселье найти надеялся!

По приближении к тем местам, где уже неподалеку них обоих жилищи были, распрощались они друг с другом наинужнейшим образом и каждый спешил к своему дому и обителищу. С какими чувствами приближался наш старик к тем местам, где он рожден, воспитан и препроводил большую часть века своего живучи в новое, и от коих толь долгое время был отлучен и не имел надежды никогда видеть, сие всякому себе вообразить, нежели мне описать удобнее. Трепетало сердце его и наполнялось наисладчайшею радостью, как начали уже появляться те места, которые ему с малолетства были знакомы, и встречаться с ним все те положения несть, те речки, ручьи, вершины и бугорки, которых и звания не могло из памяти его истребить толь долговременное отсутствие. Переходя оные называл он каждый из них знакомым ему еще именем, и каждое приветствовал. Все они были ему милы и казались глазам его имеющими в себе нечто приятное и прелестное, а многие места не мог уже он и узнавать совсем, а особливо леса и рощи. Во время толь многих годов его отсутствия многие совсем иной вид восприяли. Там, где при отшествии его на войну были леса, находил уже он пашни и поля, а где низкие кустарники и чепыжи были, там высокие и большие рощи и заказы стояли. Одним словом, все ему казалось ново, шило и приятно, но не зная, что в доме его происходило, и кого он найдет, находился он между страхом и надеждою.

Перед вечером было то, как наш старик, изнемогший от трудов и долговременного путешествия, в пыли, в поту, в разодранном рубище, с котомкою за плечами, и с посошком в руках добрал до своих полей и тех мест, откуда хотя вдали, но мог даже он свое жилище видеть. Вострепетало сердце его при узрении сего селения, и вся душа взволновалась в нем. Он удвоил остатки своих еще и спешил добраться до одного знакомого ему еще бугорка, с которого можно было ему свой дом видеть *жс* с которого, идучи на войну, он в последний раз с ним прощался. Он доходит туда. Но, увы! какое зрелище представляется его зрению! Нигде, нигде не видит он своего дома и хором, и глаза его тщетно ищут сего обителища, которое ему до сего столь мило было, и которое он с толиким вожделением видеть желал. От сердца его власно как оторвалось тогда что-нибудь! Вся кровь взволновалась в нем при сем печальном предвозвестии и он едва было на самом том месте не упал, обессилив. Однако некоторый остаток надежды подкреплял еще его: «может быть», говорил он сам себе: «жена моя перенесла хоромы в другое место; – может быть новый дом и на другом месте построила! – Лет не мало прошло с того времени, как я отлучился! – Поспешу вон на этот пригорок!.. Оттуда уже явственнее все увижу и всю деревню обозрю!» Сказав сие, и собрав остатки сил, поспешал сей, сединами покрытый муж добраться до пригорка вожделенного. Ноги его едва служить ему могли, колени его согинались против хотения и никогда не был ему посошок его так нужен, как в то время. Наконец достигает он и до того пригорка и с страхом и надеждою восходит на него и обозревает вновь всю деревню. Но, увы! он и тут ничего не видит. Он ищет темнеющими глазами своих хором, но и следа хором и дворянского дома не находит. Повсюду видны были только мужичьи хижины и

дворы, а на месте где он живал, был уже огород и росли конопля. Он и места не узнал бы, если б некоторые деревья, оставшиеся от бывшего его и любезного ему садика, не делали его приметным. Одним словом, он не мог более никак сомневаться и все доказывало дома и жилища его совершенное уничтожение.

Тогда не могли уже нош его более на себе держать. Колена его подломились и он, изнемогая, ринулся на том месте, где стоял, и слезы как град покатались из очей его. Несколько минут сидел он тут, опершись на посошок и орошая оный слезами, и не был в силах встать и продолжать путь свой.

Наконец пришло ему в мысли, что может быть жена его умерла, и дочь вышла замуж, или она еще жива, но живет с замужнею дочерью. Сия мысль ободрила его несколько, и подала новый луч надежды и отрады... В сих помышлениях видит он вдали человека приближающегося к себе и возвращающегося в дом свой с поля с хлебопашенным своим орудием. «Подожду», сказал он тогда, «сего земледельца я к себе, и услышу от него о судьбе моего дома и моих домашних. Нельзя ему не знать, что с ним и с живущими в нем учинилось и каким случаем он совсем уничтожился».

По приближении сего человека показались ему черты и признаки его лица знаемы. Старик то был сединами покрытый и хотя двадцатилетнее время много вид его переменяло, но он вскоре признал, что сей человек принадлежал прежде ему и был самый тот, который при отъезде его из дома был старостою. Обрадовался наш старик, узнав и увидев сего знакомого человека, однако имел столько терпения и духа, что не открыл тотчас о себе, но хотел видеть узнает ли он его, и пользуясь неузнанием, готовился распроедывать у него обо всем, и потому хотя с нетерпеливостью, но дожидался его к себе.

Земледелец поровнясь против его и видя дряхлого и престарелого человека, неинако его счел как нищим, а будучи добросердечным человеком, не мог его пройтить мимо. «Старинушка!» сказал он ему: «небось ты, бедненький устал и сегодня еще не обедал?... Добреди, дружок, до моего двора и переночуй у нас, мы тебя напоим и накормим». – «Спасибо, мой друг!» отвечивал опечаленный старик, и сказав сие начал собирать свои силы и вставать. Добродушный крестьянин, видя его дряхлость и изнеможение, подошел к нему и помогши подняться, не хотел его покинуть, но сам восхотел довести его до двора.

На дороге спрашивал он его, откуда и из каких мест он. – «Издадека, добрый человек»! отвечивал наш старик «и более двадцати лете в здешних местах не бывал. И куда как у вас все места здесь переменялись! И не узнаешь уже их!.. Вот здесь, помнится мне, стояли хоромы и был дом, господский, а теперь и следа его нет! – «Да, старинушка! тут были дом нашего прежнего боярина... Покойник-свет, дай Бог ему царство небесное! боярин был добрый и мы его очень любили». – «А ныне чьи же вы, добрый человек», спросил его наш путешественник. «Племянников его, старинушка! которые живут вон в этой деревне». – «Племянников его, подхватил изумившийся старик: но разве не осталось у него детей? Мне помнится, что они у него были... Я как теперь их вижу». – «Так, старинушка! Дети были, но все на том свете!.. Сыновья его побиты на войне, сам он там же без вести пропал, а бедную боярыню нашу разбойники разбили и до смерти замучили. А из дочерей его одна была замужем в умерла, а другая ноги отзнобила, бежавши от разбойников, и оттого также на том свете!.. И как никого не осталось, то так и перевелся этот домок и мы достались его племянникам».

Легко можно заключить, что немногие сии слова поразили несчастного старца, власно как громовым ударом. Не в силах он был выслушивать далее хотящего говорить добросердечного крестьянина. Колени его подломились и он воскликнул только: «О, Боже милосердный»! без памяти ринулся на землю, и не в состоянии был говорить более; слезы как град покатались из очей его и вздохи последовали за стенаньями. Таковое явление удивило простодушного крестьянина. Он оробел сочтя, что старик опасно занемог, и стоял над ним в изумлении. «Что тебе, старинушка, сделалось?» сказал он потом, приметя, что он несколько опамятовался: «о

чем ты, дружок, так плачешь и горюешь?» – «О мой друг! есть о чем мне плакать и горевать», ответил вздыхая и всхлипывая старик: Куда мне теперь приклонить свою голову! всего того уже нет, чем бы мог я веселиться – всей надежды я теперь лишился!»!

Слова сии невразумительны были для крестьянина, но он вскоре его вывел из сомнения сказав, чтоб он посмотрел пристальнее на него и не узнает ли он в нем своего прежнего боярина? – «Ах батюшка Еремей Гаврилович! закричал узнав его крестьянин, и упал к нему в ноги, – в живых ли тебя, государя нашего, видеть!.. Откуда ты это к нам, взялся? Мы тебя, государе, давно уже поминаем и думали, что ты давно на том свете! Как это тебя Бог спас и на святую Русь вынес? Пожалуй, батюшка, поцеловать мне свою ручку». – Старик не мог тогда удержаться, чтоб не удвоить своих слез и чтоб не обнять своего старинного подданного; он облобызал его и обмочив вкупе лице его слезами, изъявляя радость, что нашел хотя его еще в живых и его незабывшего.

Приключение сие в такое замешательство привело добросердечного сего крестьянина, что он не знал, что тогда ему с господином его делать: и в деревню бежать, и повозку для отвоза его к себе в дон привести ему хотелось, но не хотелось и утружденного и крайне опечаленного старика оставить одного на поле, ненаходящегося в состоянии иттить далее. Он озирался кругом, не увидит ли кого иного, но не видя никого, усердие превозмогло наконец. Он упросил его, чтоб он на минуту посидел и отдохнул на том месте, а сам бросился в деревню, и схватя первую телегу, попавшуюся ему в глаза, спешил обратно на помощь к своему господину.

Между тем как сие происходило и докуда они до деревни ехали, успел разнестись о приключении этом слух по всей деревне. Семья того мужика рассыпалась во всем дворе, и встретила всех жителей. Со всех сторон бежал и стекался народ, и собирался ко двору того крестьянина, и множество было тогда сбежавшихся, как приехали они в деревню. Всякий спешил отчасти из усердия, отчасти из любопытства видеть прежнего своего господина, и многие от нетерпеливости бежали ему на встречу, и, кланяясь, изъявляли свою радость. А не успел он приехать, как многие наперерыв бросались его вынимать и целовать у него руки. Сколь старик не был печалию отягощен, но не мог чтоб не чувствовать тогда некоторой отрады. Он соединял тогда слезы горести с слезами радости и удовольствия, и не оставил никого из всех, кого бы не облобызал он и не обмочил слезами. Все от мала до велика принуждены были к нему подходить и всех старался он приласкать, колико было ему тогда можно. Многих застал он еще живых, которых знал, но большая часть была незнакомых; отчасти родившихся после его, отчасти таких, коих оставил он еще в малолетстве, но все до единого были ему рады, и не могли на него насмотреться.

Между тем, как сие происходило, бегал хозяин почти без памяти взад и вперед, и суетился о скорейшем приуготовлении милому своему гостю ужина. Все, что достаток крестьянский лучшего мог снискать, сносимо и приуготовляемо было бабами, понуждаемыми то и дело кропочущимся стариком-хозяином, а по изготовлении, что могли в скорости успеть, приглашают они утружденного старца, сажают почти насильно есть не хотящего за стол, окружают оный толпами и просят, чтобы покушал и не прогневался на худую пищу.

Сколь мало и имел старик охоты к пище, но принужден был сделать им удовольствие, а между тем суетился уж сам хозяин о приуготовлении ему места для отдохновения. Хозяйки принуждены были сломя голову бегать и приготавливать все, что к тому было потребно. Уже все было готово, и уже начали приглашать старика, чтоб он дал утружденным членам своим отдохновение, как появились его племянники и тогдашние владельцыего имения. Нечаянный и власно как нарочный случай, доставил до них слух о возвращении их дяди из полону, скорей нежели мог кто думать. Один их человек, случившийся в самое то время тут в деревне, как его привезли, бросился опретью с известием о том к своим господам; а они не успели услышать и в том удостовериться, как бросились на лошадей и поскакали опретью к своему дяде, которого с младенчества еще любили и почитали.

Свидание их с ним было нежно и таково, которое не может никак описано быть. Слезы с обеих сторон имели наивеличайшее участие в оном. Они не могли с ним довольно наговориться и не хотели никак допустить, чтоб он остался ночевать в крестьянском доме. Коляска по повелению их приехала вскоре за ними, и хотя утружденному и к трудам и худой постели привыкшему уже старцу, приятнее бы было остаться и взять скорее покой тут, но не мог он отказать на усиленные просьбы и лишиться удовольствия семьи и домашних племянников своих, чтоб видеть себя еще в тот же вечер.

Тут принужден он был опять вновь плакать и непринужденно соответствовать тем, которые его с радостными слезами встречали и были ему как отцу рады. Сие много помогло ему перенести с великодушием печаль, которую имел он о потере жены и обеих дочерей своих. Он благодарил Бога, что не всех еще родных лишился, но видите сколь многих столько ж ему радующихся, как детей отцу своему.

На другой день извинялись племянники его пред ним в том, что во владение его имением вступили, и что не чая его быть в живых, перевезли дом и строение его в свое жилище и там двор его уничтожили. Но он никогда не почитал их в том виноватыми, но давно уже оправдал их в своем сердце, и доволен был тем, что они крестьян его не разорили, но заставили себя также любить, как они его любили. Но как стали они с великою охотою возвращать его имение и усиленно просить, чтоб он по прежнему вступил во владение своея деревни и выбрал для жилища своего любое жило в их дворе, которое хотели они перевести и где прикажет он поставить, то он поступил далее и будучи ласкою и приязнью их доволен, им сказал: «Не хочу я сего и никак не соглашусь на вашу просьбу... век мой уже короток и жить мне на свете осталось уже недолго! к чему мне вступать в такие хлопоты и поднимать труды, силам моим несоразмерные!. Проводив столько лет в неволе и в рабстве, позабыл уже я как и управлять другими. Мне теперь всему учиться надобно. Но кому мне прочить и для кого трудиться?... Кто остался у меня на свете, кроме вас, друзей моих?... Всевышнему угодно было лишиться меня жены и детей и дозволить вам заступить их место, будьте же вы оными в самом деле. Не хочу отнимать у вас то, что даровало вам небо, но не хочу и оставить вас и детей ваших. Сие утешение осталось мне в жизни. Хочу окончить жизнь мою у вас, не мешая ни мало вам в правлении моими деревнями; владейте ими, мои други, а меня кормите и поите, покуда буду жить и погребете кости мои, когда умру и переселюсь в вечность. А до тех пор может найдется праздный уголок в вашем доме, где б я мог изнемогшим членам моим давать отдохновение и приносить молитвы мои Господу. Можете быть, не помешаю я вам ни мало и не наскучу».

Излишнее будет, если мне описывать теперь те чувства, какие имели тогда его племянники и мои предки; они были не удобь изобразимые пером, и преисполнены наиневнейшею благодарностью. Они и подлинно соответствовали таковой поступке стариковой достойным образом и не только кормили, поили, покоили и одевали его до смерти, но не иначе почитали и любили его, как отца, и имели о нем попечение. Он прожил у них несколько лете в совершеннейшем спокойствии, и окончил жизнь благодаря Бога, что он при конце оной допустил его наслаждаться покоем и лишив его родных даровал других детей, от которых он не мог лучшей и совершеннее той любви и почтения требовать, какое они ему оказывали.

Вот, любезный приятель, повесть, которая передана мне помянутою старушкою, моею родственницею.¹ Она, дожив до глубочайшей старости, запомнила еще того честного старика, и была тогда ребенком, когда он возвратился и у них жил в доме, и рассказывала мне все сие происхождение неоднократно.

Теперь не знаю, не наскучил ли я вам, любезный приятель, своим болтанием; письмо мое слишком велико, но мне не хотелось прервать повесть, но как теперь она уже вся, то окончив остаюсь, и прочая.

¹ Она называлась Варварою Матвеевною, бывшая замужем за Темирязовым, и дочь Матвея Кириловича Болотова.

История ближних предков Письмо 3-е

Любезный приятель!

И для прочтения сего письма нужно вам небольшое терпение, ибо и в оном не начну еще я рассказывать вам собственную мою историю, а наполню все оное кратким повествованием о прочих моих и ближайших предках, которые хотя и не таково любопытно будет как предъсказующее: но вы уже должны быть оным довольными, ибо мне не выдумать-стать любопытные и такие истории, которые бы читать было приятно, если таковых в самом деле не происходило! Сего я думаю и сами вы не потребуете.

Итак, возвращаясь к моим предкам, скажу, что о прапрадеде моем, Осипе Ерофеевиче Болотове, не имею я почта никакого сведения. А то только знаю, что умер он в молодых летах и с вышеупомянутыми братьями его, Кирилом и Ерофеем, жил уже в одно время оставший после его сын, а мой прадед, Ларион Осипович, а их родной племянник.

О сем прадеде моем также ничего мне более неизвестно, кроме того, что он жиль уже особо от дядей своих и на самом том месте, где ныне я живу; также, что был он великий делец по приказным делам, имел пословицу, реку и хаживал еще в бороде. Впрочем сказывают, был он человек неуступчивый и не скоро себя давал в обиду. Почему и в тогдашнее еще время было между обоими нашими домами, то есть домом прадеда моего и Кирила Ерофеевича временем не очень согласно. Далее, имеем мы от сего прадеда моего и поныне еще одну аптеку, доказывающую вкус тогдашних времен и вкупе рачение его о церкви, ибо резные и вызолоченные царские двери в нашей приходской церкви, в селе Русятине были его построения, как то из надписи на них и поныне еще видно.

Обоим сим старикам наследовали дети их. После Кирилы остался сын Матвей, а после Лариона дед мой Петр Ларионович, а Матвеев двоюродный племянник, но с тою ж опять разницею, что дед мой остался после прадеда моего очень молод и еще в самом младенчестве, а Машей Кириллович был уже на возрасте. Натура разделила оба сии дома чудным образом, снабдив их весьма разными свойствами. Потомки Осиповы были немногочисленны и не долговечны, но добродетельные и лучших свойств и качеств душевных, а потомки Кирилины гораздо долговечнее и многочисленнее, но при том далеко не таких свойств были. Одним словом, нравы обоих сих домов исстари бы ли несогласны между собой. Наши предки были добродушны, откровеннее, чистосердечнее, дружелюбнее, а те скромнее или прямее сказать, лукавее и неприступнее, почему и самое господствующее иногда между ними согласие было только наружное и притворное, по которой причине нашим не без обид с той стороны иногда бывало.

Не успел дед мой Петр Ларионович придти в возраст, как началось в войске нашем регулярство, следовательно, и он служил уже в регулярных войсках и был офицером. Он женился на одной дворянской девушке фамилии Бабиных, и взял в приданое за нею две деревнишки, которые были хотя очень не великие, однако по тогдашним обстоятельствам очень важны, а особливо потому, что сам дед мой был человек не богатый. Все его имение состояло в нескольких крестьянах, живших в той деревне, где мы ныне живем, да в нескольких крестьянах, доставшихся на его долю из владения помянутого несчастного старика Еремея Гавриловича, в деревне Болотове, в которых обоих местах не думаю чтоб душ 50 за ним было. Из сих взятых за женою своею в приданое деревень, одна была в Каширском уезде и называлась Бурцово, которая дошла до рук моих, и я ее перевел уже в другое и лучшее место; а другая в Елифанском уезде и называется и поныне Бабинкою, которую я и по днес владею.

Бабка моя, а его жена называлась Екатерина Григорьевна и об ней слышал чудное повествование. Было их у отца три дочери, сия Екатерина, другая Лукерья, выданная за Арсеньева, а третья Афимья, бывшая в замужестве за Тутолминым, дедом нынешнего Архангелогородского

наместника. Некогда, как бабка моя была еще в девках, случилось приттить к ним одному монаху, странствующему и собирающему милостыню из земли обетованной. Любопытству подвержены были люди во все времена. Бабка моя, бывшая тогда еще в девках, показывала ему руку и требовала предсказания, ибо он угадывал многим и был хиромантик. Вопрос клонился более к тому, долго ли жить, и быть ли замужем? Старец, посмотрев, сказал ей удивительное предсказание, а именно, что ежели хочет она долго жить, то не ходила б замуж, буде же пойдет, то жизнь ее только пять лет продлится.

Последствие доказало, что предсказание сие было очень справедливо. Как он сказал, так и сделалось. Ее выдали еще в тот самый год замуж, и она жила с ним действительно пять лет и родила только двух сыновей, которые и остались жить. Один из них был Тимофей и самым тот, которому я рождением моим обязан, а другой Матвей, оставшийся после матери самым младенцем и еще у груди. Дед мой находился тогда в службе как она умерла, почему взяла дядю моего к себе тетка его, а ее сестра Лукерья Григорьевна, бывшая уже замужем, и воспитала своею грудью. Изрядный пример бывшего между сестрами сими согласия и любви совершенной.

Жизнь деда моего продолжалась также не долго. Он дослужился майорского ранга и умер наконец в Риге, и погребен в церкви Алексея человека Божия; дети его были тогда при нем и отец мой был уже записан в службу и едва ли уже не офицером. Как около сих времен отечество наше, под премудрым правлением славнейшаго в свете государя Петра Великого, начало из прежнего невежества выходить, и час от часу просвещаться, то и дед мой воспитал детей своих не по примеру своих предков, но гораздо лучше; он отдал их, в Риге в немецкую школу, и выучил арифметике и немецкому языку, что после отцу моему служило в великую пользу.

По кончине отца своего продолжал отец мой военную службу. Братъ его последовал ему в том же, да инако в тогдашние времена было и не можно, ибо все дворяне должны были служить, почему вступили в то же время и дето Матвея Кириловича в службу, которых было четверо: Семен, Богдан, Никита и Еремей. Они служили все в разных полках, а не вместе, и все подвержены были разным жребиям. Из помянутых четырех братьев, внучатных дядьев отцу моему, одни только остался жив, а трое прочие лишились разными случаями жизни. И Никита был тот, которому судьба назначила прожить до глубокой старости и быть отцу моему, а потом и мне современником.

Что касается до моего отца, то служил он в гренадерском Лессиевом полку, который после переименован Белозерским, подпоручиком. Из сего полка, при случае сочинения третьего гвардейского полка взят был тем же чином в Измайловский полк, в котором служил он до 1740 года, и почто до самого того времени, как я родился. Во время сей своей службы бывал он во многих посылках и походах, а особливо в турецких с фельдмаршалом Минихом, и дослужился наконец в гвардии до капитанского чина. Один из славных наших Биронов любил его особливым образом, и он был у него в милости. Впрочем служба его счастливо продолжалась. Он не навел себе никакого нареkania, был всеми любим и почитаем и не бывал никогда в штрафах и под судами.

Одну из его посылок почитаю я всех достопамятнее, ибо досталась мне от того вещь для меня весьма драгоценная. Не подумайте, чтоб он что-нибудь во время сей посылки нажил. Нет, любезный приятель! отец мой не таков был сродства, чтоб неправедным образом что-нибудь себе наживать. Вся достопамятность состоит только в том, что я нашел один ордер данный отцу моему от Петра Великого, сего славного и беспримерного в свете монарха, подписанный собственною его рукою. Мой отец был в то время еще армейским подпоручиком и послан был из Риги от самого Государя, для отвоза жнецов немецких в наши степные места. И сие-то письмо почитаю я тою драгоценною для меня вещью, хотя она в самом деле ничего не стоит.

Вся сия долговременная служба не принесла отцу моему много прибыли. Он принужден был жить одним почти жалованьем, ибо от малых своих деревень, полученных в наследие после

отца своего, а моего деда, не мог он получать знатных доходов; а сверх того не имел никогда и случая жить в них, а приезжал временно и на самое короткое время в деревню, следовательно не имел способа о приведении оных в лучшее состояние стараться. Вся прибавка состояла только в том, что он взял за женою своею, а моею матерью, небольшую деревнишку, или прямее сказать один только двор в Чернском уезде в приданое, да сделал основание маленькой деревеньки в Шацком уезде.

Мать моя была фамилии Бакеевых, внука живущего неподалеку от нас одного каширского дворянина. Отец ее назывался Степан Гаврилыч и служил в Ингерманландском пехотном полку майором, а после в рижском гарнизоне полковником и прославился при одном случае, во время шведской войны, а именно при взятии 4-х фрегатов, в которое морское сражение, будучи с полком своим на галерах, взял он шведского Шутбенахта в полон своими руками. За сие пожалована была ему от государя Петра Великого золотая медаль с цепью, и записано было имя его в журнале сего великого монарха. Как был он всегда в службе, то жила дочь его, которая называлась Мавром, с своей матерью у его отца Гаврилы Прокофьевича Бакеева, в деревне, который и выдал ее без отца за моего родителя. Приданое ее было по тогдашним временам очень не велико, но надежда та была, что она была одна у отца дочь, следовательно, всему имени наследница, что после и сделалось, ибо дед мой Степан Гаврилович умер, то получил отец мой во владение свое то сельцо Калитино, где был их дом, да другую деревню Тулеино, лежащую поблизости к нашей деревне и весьма нам подручную.

Как деревни отца моего сим образом с одной стороны приумножались, так убавилось потом несколько их по другому случаю. Я уже упомянул, что у отца моего был родной брат Матвей Петрович. Сей жил с ним в одном доме и будучи уже велик, женился на девушке из фамилии Резанцовых. Желание их было разделить между собою отцовское наследство, но сего учинить не можно было по тогдашним законам, известным у нас под именем пунктов, и по силе которых старший брат долженствовал быть один наследником. Но как в самое то время сии пункты отменены и дозволено было делиться, то отец мой первый подал о том челобитную и просил о разделе не для какой ссоры, а единственно для любви к брату и для убежания от несогласия, что и учинилось в самом деле.

Таким образом разделился дом наш надвое, и пошло особливое поколение. Дядя мой построился шагов за сто от нас в особливом месте, а отец мой остался в старом доме. Деревня же и люди отцовские разделены были во всех местах пополам.

Детьми был отец мой не гораздо счастлив. Он имел хотя многих, но не имел того, чего желал, то есть живого сына. Из дочерей его осталось две живущих. Одну и старшую мою сестру звали Прасковьею, а другую Марфою. Но небо даровало ему наконец сына, и назначив меня жить, восхотело сделать ему при старости утешение.

Вот вам, любезный приятель, начало моей истории, или паче начало исполнения вашего желания. Довольны ли вы тем будете? – В сих письмах описал я все, что нашел упомянуть о происхождении нашей фамилии, о моих предках, и о бывших до меня происшествиях и обстоятельствах, а в будущем начну уже рассказывать собственную мою историю, со дня моего рождения; а между тем остаюсь, – и прочая.

История моего младенчества

Письмо 4-е

Любезный приятель! Вот теперь дошел я и до собственной своей истории. Я начну оную с самого дня рождения, дня достопамятного в моей истории и ознаменованного одним редким и примечания достойным происшествием. Однако надобно примолвить, что не на небе и не во всем свете, а в господской только нашей вотчине, маленькой деревнишке *Дворянинове* или, лучше сказать, в одной спальне моей матери, – происшествием не столько удивительном, сколько странным и столь смешным, что оное заставило мать мою, в самые опасные минуты своих родов и несмотря на всю свою болезнь, смеяться, и которое власно² как служило некоторым предвозвестием тому, что я в течение жизни моей не столько печальных, горестных и скучных, сколько спокойных, веселых и радостных минут иметь буду!.. И буде это так, то я очень обязан за то моей бабушке-повитушке, которая ко всему тому подала повод и мать мою рассмешила.

– Как это так! – скажете вы. – Конечно, была она какая-нибудь проказа?

Нет! Право нет, любезный приятель! Она была старуха добрая, старуха богомольная, – старуха честная, старуха большая, старуха толстая,³ одним словом, старуха всем хороша, и я ее, будучи маленький, очень любил и часто об ней плакивал, потому что она была моя мамка, а что она проказу сделала, тому не она, а пол виноват. Ибо виновата ли она, что пол разохся и ее крест увяз в трещине?

– Как это? – спросите вы. А вот каким образом.

Как случилось мне родиться ночью после полуночи, то не было никого в той комнате, кроме одной сей бабушки-старушки да моей матери. Мать моя сидела на постели, а старушка молилась Богу и клала земные поклоны. Вы ведаете, как старухи обыкновенно молятся? Где-то руку заведет, где-то на плечо положит, где-то на другое, где-то нагнется, где-то наклонится, и где-то начнет подниматься с полу, и где-то встанет;⁴ одним словом, в одном поклоне более минуты пройдет. Но представьте себе, какой странный случай тогда сделался!

В ту самую минуту, как назначено было мне свет увидеть, бабушка отправляла свой поклон и была нагнувшись, и в самый тот момент попади крест ее в щель на полу между разохшихся досок и так перевернись там ребром, что его ей вытащить никак было не можно. Мать моя начала кричать и звать ее к себе, а она:

– Постой, матушка, – говорит, – погоди немножко! Крест зацепил, не вытасу.

И между тем барахталась на полу головою и руками. Вытянуть его было не можно, переврять также; гайтан⁵ не рвется – крепок. Вздумала его скидывать с головы, – но что ж? – еще того хуже сделала! Голова не прошла, а только увязла и привязалась к полу! Что оставалось тогда делать, не смешное ли приключение? Мать моя рассказывала потом часто, что она не могла от смеху удержаться, видя сию проказу и слыша усиленные ее просьбы, чтоб немного погодила, ибо в ее ли власти было погодить?

Ежели спросите, каким же образом она освободилась, то скажу, что на крик их проснулась и прибежала еще баба и гайтан принуждена была разрезать. И по счастью поспела бабка к исправлению своей должности.

² Точно, ровно.

³ Она называлась Соломониidou и была мать приказчика моего Григория Фомина, у которого был сын Абрам, бывший со мною в походе. Бол.

⁴ Здесь «где-то» в смысле когда-то, в кою пору.

⁵ Шнурок, на котором носят тельный крест.

Вот вам, любезный приятель, первое смешное приключение, случившееся еще при самых моих родах. Но теперь возвращусь я к порядку моей истории. Я родился в 1738 году, октября в 7-й день, что случилось тогда в субботу. Место моего рождения есть самое то, где я ныне живу.⁶ Отца моего в то время не было дома, как я родился. Он находился в Нежине, одном украинском городке, где тогда полки по возвращении из турецкого похода стояли.⁷ Он был очень рад, получив известие сие через полтора месяца. Крестины мои отправлялись обыкновенным у нас в деревнях образом. У меня было два отца и две матери крестных, – все родственники и приятели моих родителей. Один из них был господин Раевский, по имени Иван Артемьевич, а другой господин Ладыженский, по имени Иван Леонтьевич. Кумы же, две старушки – наши родственницы и мне бабки: Арина Савишна и Авдотья Борисовна, жена соседа нашего Матвея Кирилловича Болотова. О самом первом периоде моей жизни или о времени первого моего младенчества много говорить мне о себе нечего, ибо со мною не происходило ничего особенного, и сказать разве только то, что воспитывали меня с особенным старанием и берегли, как порох в глазе, но тому и удивиться не можно. – Мать моя была уже не гораздо молода и детей более родить уже не надеялась, а сына ни одного еще живого не имела; все бывшие до меня умирали в самом еще младенчестве, следовательно, имела она причину опасаться, чтоб и со мною того же не сделалось, а особенно потому, что я с самого младенчества подвержен был многим болезненным припадкам, почему легко можно заключить, что жизнь моя была обоим родителям моим гораздо нужна и драгоценна. Но могли ли они всеми трудами и всеми стараниями своими онаю сохранить, если б небо не похотело? Но сие назначило меня к тому, чтоб жить, и потому сохранило от всех опасностей, которым мы в младенчестве своем ежеминутно бываем подвержены.

Года два после рождения моего жила мать моя со мною и с обеими сестрами дома, ибо родитель мой был в сие время во многих отлучках. В последующий 1739 год ходили они в последний турецкий поход,⁸ где марта 5-го пожалован он был гвардии старшим капитаном, а августа 17-го дня был он на случившемся в Молдавии, на речке Шуланце, сражении и при взятии города Хотина, где благополучно сохранился.

Как сей поход был последний в тогдашнюю турецкую войну, то возвратилась армия в Россию, и отец мой прибыл зимою с гвардейским батальоном в Петербург, захав наперед в деревню и побыв в ней самое короткое время.

Не успел он в помянутый столичный город возвратиться, как объявлен был заключенный мир с турецким государством, и отец мой отправлен был с объявлением о том в некоторые отдаленные провинции нашего государства, лежащие в сторону к Сибири. Сия посылка была ему не убыточна, ибо известно то обыкновение, что присылаемые с таким радостным известием получают от жителей тех мест многие подарки и приносы, и я имею и поныне еще некоторые, а особенно фарфоровые вещи, привезенные им из Соликамска,⁹ где ему тогда быть случилось.

Вскоре после возвращения отца моего оттуда, а именно октября 17-го дня 1740 году, воспоследовала кончина императрицы Анны Иоанновны, Я не буду упоминать о тех замешательствах, которые тогда при избрании наследников у нас в государстве происходили, ибо мне о том знать было не можно, к тому же их весь свет довольно знает. При восшествии на престол императрицы Елизаветы Петровны находился отец уже в полевых полках, ибо его выпустили между тем из гвардии, пожаловали полковником и дали ему Архангелогородский пехотный полк.

⁶ Сельцо Дворяниново, Алексинского уезда, Тульской губ. (см. вступительную статью).

⁷ Откуда и мать моя пред недавним временем и беременная мною домой от него приехала. Бол.

⁸ О турецкой войне 1735–1739 гг.

⁹ Ныне город Уральской области Верхнекамского округа, на реке Усолке, вблизи впадения ее в Каму. Известен солеварнями. Недалеко имеются каменноугольные копи и горные заводы.

Сия перемена привела обстоятельства наши в иное состояние; отец мой находился с того времени почти беспрестанно при полку, а мы жили также по большей части при нем.

Таким образом, начал мой отец мало-помалу приходить в честь; он и действительно через хорошие свои поступки и умное поведение сделался известным. Одним словом, его почитали человеком, должность свою довольно знающим, и заведенные им в полку порядки доказывали его способности. Еще находясь в гвардии, нажил он себе многих хороших приятелей, а особливо жил он в великой дружбе с одним придворным генералом, господином Шепелевым. Одним словом, все знатные были ему благосклонны, а между оными любил и почитал его и сам командующий тогда армию фельдмаршал Лесий.¹⁰

Мы принуждены были следовать повсюду за отцом моим, и я, размышляя о том часто, сам тому дивился, что с рождения моего никогда долгое время на одном месте не жила. Не успел отец мой полк принять, как взял он нас к себе в полк, стоящий тогда неподалеку от Нарвы, в селении, называемом Наровск. Вскоре после того пошел он с полком в другое место, и мы принуждены были следовать за ним, – а сим образом с места на место переходя, нигде он долгое время на одном месте не стоял, что причиною было, что и мы с ним всюду и всюду таскались.

Между тем бывали мы с матерью моею несколько раз и в доме нашем, а особливо как вскоре потом началась у нас война с шведами, и отец мой, идучи в поход с полком своим на галерах, принужден был отпустить нас в деревню из Эстляндии. Мне шел тогда уже пятый год, а большой моей сестре восемнадцатый, а другой – тринадцатый, ибо первая родилась в 1725, а другая – в 1730 году. Я был самый меньшой и действительно последний.

Что касается до начала воспитания моего по отнятию от кормилицы, то было оно обыкновенное. Превеликая нега следует всегда за любовью, которую матери имеют к своим детям. Мать моя крайне меня любила и не оставляла всяким образом нежить, через что допустила вкорениться во мне многим худым привычкам. Упрямство было первое, которое тогда корень свой и пустило, умалчивая о прочих. Блаженны дети, о коих родители их в самом младенчестве о них пекутся и о исправлении их нравов старание прилагают.

Что касается до того пункта времени, с которого начал я сам себя познавать и сколько-нибудь помнить, то не могу оной в точности означить, а только то знаю, что до 1744 года память моя была еще мала и беспорядочна. Я хотя и помню много кой-чего бывшего до сего времени, но без всякой связи и все клочками, и только то, чему случилось тверже впечатлеться в мою память, как, например, памятью я, как сквозь сон, как мы с полком стояли в Наровске и как я ездил тут в салазках на козле для принимания будто от комиссара жалованья, и получал по несколько копеек; так же как мы с меньшею сестрою однажды в отсутствие родителя забрались в его комнату и возжелали посмотреть, как идут карманные часы его, но были столь неосторожны, что, оные уронив, разбили на них стекло, и как сестра моя за то принуждена была терпеть наказание, да и меня едва было не высекли. Также памятно мне, как мы стояли в эстляндском местечке Гапсале¹¹ в одном каменном доме, которого образ и фигуру как теперь вижу, и как случилось мне тут быть в одной пустой немецкой кирке и видеть несогнвившее тело одного человека, погребенного лет за сто и о котором говорили тогда, якобы он был проклятый. Далее, как я тут зимою с родителями ездил по городу кой-куда в санях в гости и сматривал на бывшую тогда на небе звезду с хвостом или комету и пр., но когда что было и что за чем последовало, того никак в памяти моей сообразить не могу.

¹⁰ Лесси, Петр Петрович, генерал-фельдмаршал и лифляндский генерал-губернатор. В 1740 г. возведен в графское достоинство Св. Римской империи, на что последовала санкция русского престола.

¹¹ Гапсаль – портовый город нынешней Эстонии, раньше Эстляндской губ.

Наконец, вскоре по возвращении полку нашего из шведского похода и по заключении с короною шведскою мира, воспоследовала в государстве нашем вторичная всему народу перепись, или вторая ревизия.¹²

При сем случае отца моего определили ревизовать Псковскую провинцию. Итак, принужден он был оставить полк и во Псков отправиться, куда к нему и мы из деревни приехали.

Но как с самого сего времени началась моя память, и я уже помню все происходившее порядочно, а не так, как прежде, клочками, то окончив опять мое письмо, сделаю чрез то некоторое отделение и, пожелав вам всех благ, остаюсь и прочая.

¹² Речь идет о ревизии 1743 г.

При ревизии во Пскове Письмо 5-е

Любезный приятель! В последнем моем письме остановился я на том, что отец мой определен был ревизором во Псков и что мы туда к нему из деревни приехали. Теперь, продолжая повествование мое, скажу, что во время сего пребывания нашего во Пскове у ревизии происходили с нами многие разные приключения. Не успели мы из деревни приехать, что случилось в 1744 году, как одним нечаянным случаем лишился было я моей матери. Она была очень слаба головою, особливо в случае угара, а тут в каменной нашей квартире так она однажды угорела, что упала без чувств и без памяти, и все почитали ее уже умершею. Плач, крик, стон и вопль поднялся тогда во всем нашем доме, особливо от сестер моих; ее вынесли и положили на снег, и к великому обрадованию нашему, хотя с великим трудом, но оттерли, наконец, снегом. Каков для меня был сей случай по тогдашнему малолетству, всякому легко вообразить себе можно.

Вскоре после того принужден я был переходить важную и опасную переправу человеческой жизни, то есть лежать в оспе. По счастью, была она хороша, и я освободился от ее свирепства, с которым она толь великое множество бедных детей пожирает. Товарищ ее, корь, не преминул также меня посетить, и я принужден был и его вытерпеть.

Не успел я сие болезни перенести, как начал мой отец помышлять об обучении меня грамоте. Мне шел уже тогда шестой год, следовательно, был я мальчик на смыслу и мог уже понимать буквы. 17-го числа июня помянутого 1744 года был тот день, в который меня учить начали, и я должен был ходить в дом к одному старику малороссиянину и учиться со многими другими. С каким успехом я учился, того не могу вам сказать, ибо того не помню, слышал только после, что понятием моим были все довольны, как, напротив того, недовольны моим упрямством. Сие пристрастие в маленьком во мне было так велико, что великого труда стоило его преодолевать; но таковы бывают почти все дети, которых в малолетстве нежат, отчего и произошло, что ученье мое более года продолжалось. Из всего оного помню я в особенности то, что первое обрадование родителям моим произвел я выучением почти наизусть одного апостола из послания к коринфянам, начинающегося сими словами: «Облецытесь убо яко избрании божия»¹³ и пр., и прочтением перед ними, и как сие случилось скоро после начатия учения моего, то родитель мой так был тем доволен, что пожаловал мне несколько денег на лакомство.

Между тем большая моя сестра была уже совершенная невеста, ей шел уже тогда девятнадцатый или двадцатый год, следовательно, и выдавать замуж ее было уже время. Родители мои начинали уже о том заботиться, и не столько отец, сколько мать. Имея двух дочерей, а приданое за ними очень малое, не могла она, чтоб не беспокоиться и тем не тревожить всегда дух моего родителя. Сей, имея надежду и упование на Бога, отзывался только тем, что когда Бог их дал, то не преминет и приставить их к месту, в которой надежде он и не обманулся, как то из нижеследующего усмотрится.

Комиссию, которая поручена была отцу моему, отправлял он с таким успехом и столь порядочно, что заслужил от всех похвалу и благодарение; сверх того, за хорошие свои поступки и благоразумное поведение сделался он любим и почитаем во всем городе и уезде. Все дворяне и лучшие в городе люди в самое короткое время сделались ему друзьями, а сие самое служило ему основанием счастью сестры моей и важной пользе всей нашей фамилии.

Мы не успели полгода прожить в сем городе, как начали уже многие за сестру свататься; хороший ее нрав и несвоевольное, а порядочное воспитание, какое имела она в доме родителей моих, делали ее завидною невестой, и она была во всем уезде знаема. В самое сие время

¹³ Одно из посланий апостола Павла, известных нам по Библии.

случилось приехать в сей уезд одному тутошнему молодому и богатому дворянину; он выпросился из полку на короткое время, чтоб побывать в доме, в котором не был почти ни однажды после смерти отца своего. Не успел он приехать, как родственники начали его принуждать, чтоб он женился, и предлагали в невесты сестру мою. Они представляли ему, что хотя сестра моя небогата, но дочь хороших родителей и имеет нрав изрядный; а более всего хотелось им, чтоб она поправила его состояние и хозяйство, которое по молодости его и по долговременной отлучке очень расстроено и упущено было. Таковые представления убедили наконец сего молодого дворянина; он согласился на их желание и начал искать случая видеть сестру мою. Он скоро его нашел, и она ему понравилась, и для того начал тотчас сватание, не требуя никакого приданого. Легко можно заключить, что таковое предложение не могло противно быть отцу моему; он хотя и находил некоторые затруднения в рассуждении низкого чина, в котором сей молодой дворянин, служа в рижском гарнизоне, находился, а паче того в рассуждении некоторых повествований о его тамошней жизни, однако первое почитал не за великую важность, а последнему верил и не верил, ибо знал, что никакое сватание без опорочиваний не проходит. Да хотя бы все сказанное и справедливо было, так можно было приписывать то молодости, почему и надеялся его исправить, переведя его в свой полк и имея всегда при себе, и для того без труда на требование его согласился.

Таким образом просватана, сговорена и выдана была сестра моя замуж. Свадьба была тут же в городе, где зять мой имел у себя небольшой каменный дом. Сие происходило в августе месяце 1744 года, и отец мой в своей надежде не обманулся: он получил себе достойного зятя и был сим случаем доволен. Одним словом, сестра моя замужеством своим была счастлива и получила мужа, который был неглуп, хорошего нрава, имел чем жить, а что всего лучше, любил ее как надобно, и она не могла ни в чем на него жаловаться. Мы дали за нею небольшое приданое, которое состояло только в нескольких семьях людей и в нескольких стах наличных денег, ибо деревень имел зять мой и своих довольно, почему не столько приданое, сколько человек был ему нужен. Он был из фамилии Неклюдовых и назывался Василием Савиновичем.

Несколько месяцев спустя после свадьбы сестры моей сделалось было с нами весьма несчастное приключение. Мы лишились было совсем отца моего, при случае приключившейся ему жестокой и опасной горячки, которою занемог он мая 6 дня 1745 года, и пролежал целых пять недель. Болезнь сия столь жестоко над ним свирепствовала, что никто уже не имел надежды о его исцелении, и его совсем отчаяли. Однако небо не восхотело еще его у нас отнять и сниспослало облегчение в самое то время, как соборовали его маслом и читали над ним Евангелие.

Легко можно заключить, сколь в великую печаль погружен был весь наш дом во время его болезни и сколь много, напротив того, обрадован, получив надежду о дальнейшем продолжении его жизни. Мать моя проливала великое множество слез, да ежели по справедливости рассудить, то и имела к тому причину: на руках у ней оставалась тогда другая дочь, почти невеста, и сын в таком возрасте, который был еще весьма нежен и требовал уже не женского, а мужского за собою смотра. Да и подлинно, смерть его в тогдешнее время произвела б во всех обстоятельствах наших великую отмену, а всего бы более лишился бы я чрез оную, ибо воспитание мое было бы уже, конечно, не таково, каково оно в самом деле было.

Мы прожили в сем городе почти два года, ибо прежде того отец мой не мог комиссии своей окончить, в которое время езжали мы несколько раз в деревню зятя моего, лежащую от города верст за 80. Впрочем, не имели никаких особых приключений, кроме одного собственно до меня принадлежащего, и как в оном было теперь смешного, то расскажу оно теперь.

Купец, которого в доме мы стояли, имел подле одного сад и в нем сажелку.¹⁴ В сей сад хаживал я часто гулять или, прямее сказать, в гулящее время резвиться; дети хозяина нашего делали мне в том компанию. Одним днем, как мы с ними в этом саду играли, пришли мы к помянутой сажелке, и я не знаю уже, для чего было в ней несколько досок, по воде плавающих; на сих досках хотелось мне давно по сажелке поездить, и сие происходило от некоего рода любопытства, ибо могу сказать, что любопытен был я с самого младенчества. Учая в то время грамоте, наслышался я о фараоне, море и о кораблях, на оном плавающих, почему я часто, будучи иногда один в саду, прихаживал к той сажелке, сравнивал ее с морем и представлял себе в мыслях, как фараон в море погиб и как по морю корабли плавают, и для того многожды хотел отведывать на доске поплавать, однако по счастью до того времени не отваживался, но помянутый случай был к тому наиудобнейшим. Товарищам моим захотелось также предпринять сие морское путешествие, и остановилось только затем, что никто не осмеливался учинить начало. Я, будучи объят предваренною к тому охотою, тотчас к тому вызвался, ибо хотя не меньше их трусил, однако как самолюбие действует в нас с самого ребячества, то захотелось мне пред ними выдаться и оказать свою нетрусливость, и для того тотчас им сказал:

– Вы все, братцы, трусы и прямые мужики, уж боитесь по воде ездить! Чего бояться? Посмотрите-ка, как я поеду!

И, тотчас взбежав на одну широкую доску, отсунулся от берега. Но не успел я на сажень отъехать, как все явление переменилось: господин мореплаватель был неискусен и позабыл взять с собою весло. Товарищи мои кинули мне палку, я нагнулся ее доставать и тем все дело испортил: доска моя подо мною закачалась, я не устоял и полетел в воду, и едва было не утонул по примеру фараона. К великому моему счастью, сажелка в том месте была не гораздо глубока, и я хотя чуть было не захлебнулся, но, вынырнув и стараясь стать, достал ногами до дна, и вода была мне только по шею. Не успело сего произойти, как товарищи мои подняли великое хохотанье и начали осмехать худой успех моего предприятия, вместо того чтоб сделать мне какое вспоможение. Сие было причиною, что я сердился более на них, нежели помышлял об опасности, в которой находился; ибо надобно знать, сажелка была к тому берегу гораздо глубже, а сверх того, я так в тину увяз, что не мог ни одной ноги выдрать. И я не знаю, что б сделалось со мною, если б в самое то время не вошла вскоре за мною в сад старуха, моя мама, и, увидев меня, не бросилась в воду и на руках меня не вынесла. Она встряхнулась¹⁵ меня и, услышав, что я в саду, шла искать, равно как зная, что я подвергнусь опасности и что мне ее вспоможение будет надобно.

Чем происшествие сие кончилось, всякому нетрудно угадать. Скрыть сего никоим образом было не можно: я весь обмок и обгрязнился и принужден был поневоле следовать за моею мамою, которая прямо повела меня к моей матери. Тут не помогли мне все оправдания, которых дорогою я знатное число выдумал. Мне не поверили, что товарищи мои меня спихнули в воду, но находили более вероятности в их объявлении. Однако и они правы не остались, нас всех пересекли, и мне запрещено было более ходить в сад и играть с ними. По счастью, был отец мой в то время в уезде, а то досталось бы мне еще того больше.

Сие приключение хотя не инако, как безделкою почесть можно, однако в рассуждении меня почитаю я его довольно важным, ибо, во-первых, находился я в великой опасности: ибо сколь легко могло бы стать, чтоб я захлебнулся и утонул, а особливо, если б предпринял сие когда-нибудь, будучи один в саду, следовательно, сам Бог хотел меня сохранить от сего бедствия; во-вторых, примечания достойно, что сей случай так меня настрашал, что с того времени завсегда уже я боялся по водам ездить, который страх не весь еще и поныне из меня

¹⁴ Искусственный пруд с напущенной в него рыбой.

¹⁵ Встряхнуться или встрепенуться – вспомнить, спохватиться (от встряхнуться, встрепенуться). Употребляется в Костромской и Тамбовской губерниях.

истребился, ибо признаюсь, что и поныне несколько потрушиваю, когда случится зимою ехать по рекам, а особливо когда лед не гораздо крепок и надежен, что, может быть, имеет и свою пользу.

В другой раз нечаянным образом настрахан я был чрезвычайною пушенною пальбою, бывшею при случае некоего большого торжества, отправляемого моим родителем. Ибо он хотя и большую часть времени своего препровождал в уезде, где переезжая с места на место, переписывая всех жителей, однако нередко случалось, что он по несколько недель жила в городе, и тогда ежели случались какие-нибудь викториальные дни¹⁶ и знаменитые господские праздники, то имел он обыкновение делать у себя обеды и зывать к себе воеводу и всех лучших людей в городе, в особенности ж тамошнего архиерея, с которым жил он в особливой приязни и дружестве; а потому нередко случалось и мне видеть сего первосвященника, равно как бывать у самого его вместе с отцом моим, при каковых случаях получал я обыкновенно от него себе в подарок какую-нибудь маленькую духовную книжку.

Наконец, в начале 1746 года окончил отец мой благополучно свою комиссию и принужден был возвратиться к полку своему, который находился тогда в Эстляндии. Чего ради, отпустив мать мою с нами в свою деревню, в которой мы во все сие время, следовательно, давно уже не были, отправился сам к полку и стоял с оным лето на реке Зале близ Пернова, в Эстляндии, между которым временем перевел он зятя моего из рижского гарнизона к себе в полк и старанием своим произвел его в офицеры.

Сим окончу я мое теперешнее и довольно уже увеличившееся письмо и, уверив вас о непременности моего к вам дружества и почтения, остаюсь и прочая.

¹⁶ От латинского Victoria (победа) – дни празднования побед.

Дом Удрих и Лай Мыза Письмо 6-е

Любезный приятель! Проводив отца моего в путь и распрощавшись с сестрою, отправились мы с матерью моею в деревню. Путь сей был для нас не ближний, ибо деревня наша была еще 120 верст за Москвою, и нам надлежало долгое время ехать; но как бы то ни было, но мы приехали туда благополучно и пробыли тут почти все лето. Поелику мне шел тогда еще осьмой год, и я был сущий еще ребенок, то не могу я ничего о том сказать, что мы тогда дома делали и зачем наиболее приезжали; а из всех бывших тогда с нами происшествий впечатлелось в память мою только то обстоятельство, что я, будучи в сей раз в деревне, доучивался русской грамоте и учил псалтырь под присмотром моего дядьки.

Кроме сего, помню я из сего периода времени, что ездили мы в Калитино наше праздновать праздник: это была приданая деревня моей матери, лежащая от нас верст с 12 в том же уезде. Тут стояли еще изрядные хоромцы, был господский дом и старинный сад, в котором было великое множество слив и превысоких груш, усыпанных плодами, и как осенью сентября 8-го дня был тут храмовой праздник, то имела мать моя всегда обыкновение приезжать в сие время в сей родительский ее дом и находящиеся в оном еще дедовские иконы почтить служением и окроплением святою водою, а всех тамошних соседей угощать праздничным пиршеством. Что ж касается до меня и до сестры моей, то наилучшее наше утешение составлял сад, наполненный тогда множеством плодов. В самое то время надлежало его обивать, и наше наиприятнейшее упражнение было подбирать отрясенные яблоки и груши, которых последних такое было тогда множество, что я никогда с того времени их столько не видывал.

Между тем как все сие происходило, и мы помянутым образом все лето жили дома, отец мой находился с полком в лагере. По наступлении ж осени назначено было полку сему зимовать в Эстляндии, и мы получили письма, чтоб и нам туда приезжать по первому зимнему пути.

Таким образом, не успела настать зима, как собравшись отправились мы из своей деревни и, препроводив недели две в дороге, приехали благополучно сперва во Псков, а потом в деревню к сестре моей большой; ибо мы положили к ней заехать и пробыть у ней несколько дней для отдохновения.

Время сие, каково ни коротко было, однако со мною случилось опять происшествие, достойное замечания потому, что при случае сем подвержен я был опять немалой опасности. Хоромы у сестры моей были совсем не те, в каких мы прежде бывали, но совсем иные. В небытность нашу перестроился зять мой и снабдил себя уже домиком получше прежнего. Итак, по любопытству моему надобно мне было все их исходить и все пересмотреть, что в них было. К сему избрал я не то на другой, не то на третий день нашего приезда послеобеднешнее время, в которое все спали. Как у всех псковских помещиков обыкновение есть строить и располагать хоромы особым образом и так, чтоб всегда было две половины: одна жилая, а другая для гостей через сени, порожняя, и всегда чистая и прибранная, то расположены были хоромы и у зятя моего точно таким же образом. В сию-то гостиную и порожнюю половину забравшись один, начал я все пересматривать и перебирать, что в ней было. Тут, к несчастью, попалось мне на глаза ружье, стоявшее в уголку за стульями и, как думать надобно, поставленное тут нарочно для того, чтоб никто его не трогал, ибо было заряжено для стрельяния по птицам. Но никто того не воображал себе, что я пойду сюда один и буду так любопытен, что похочу неотменно его и все устройство его замка видеть; однако сие любопытство чуть было не лишило меня жизни. Каким образом сие произошло и что я с ним делал, того истинно уже не помню, а только то знаю, что оно вдруг в руках у меня выстрелило, и я получил такой толчок, что я упал без памяти и без чувств на пол; ружье подле меня, а по всей горнице посыпалась дробь и куски большого зеркала, в которое прямо я выстрелил и расшиб его в несколько сот частей.

Звук выстрела разбудил всех спящих и привлек множество людей ко мне. Меня нашли без памяти лежащего, и сколько сперва испужались, столько досадовали потом на мою резвость и дурачливость, которая верно бы также не прошла мне даром, если бы сестра, любившая меня чрезвычайно, не упростила мать мою сию вину мне отпустить и в доме ее меня за то не наказывать.

Погостив несколько дней у сестры и распрощавшись с нею, продолжали мы свой путь далее и приехали наконец к отцу моему благополучно.

Мы нашли его стоящего с полком своим на зимних квартирах в Эстляндии, и он имел квартиру на мызе¹⁷ Удрих, и довольно покойную. Дом был хотя деревянный, но не тесный и обитый внутри ткаными гарусными обоями и прибранный, впрочем, изрядно. Полковая церковь поставлена была тут же на дворе в одной службе.

Как в сей раз увидел я впервые полковую жизнь, находясь в таких летах, что мог уже несколько помнить и чувствовать, то была она для меня поколику нова, потолику и приятная. Ежедневное биение зори в множество барабанов и всякий день двукратное играение под окном полковой музыки и множество офицеров, бывших всегда у моего отца, и честь, повсюду ему воздаваемая, были для меня приятные и пленяющие предметы, которыми долгое время не мог я довольно налюбоваться, в особенности же приятно было мне то, что все полковые офицеры, любя моего отца, ласкались и ко мне.

Приезд наш в сие место воспоследовал около начала 1747 г., который достопамятен для нашего дома, тем что в оный родители мои выдали и другую дочь, а мою сестру, замуж, и остался на руках у них один только я. Сие воспоследовало вскоре после приезда нашего к полку, а именно февраля 20-го дня. Жених для ней нашелся в том же полку, в котором служил отец мой, и был тогда хотя не более как сержантом, однако не убогий дворянин, имевший жительство в Кашинском уезде; его звали Андреем Федоровым сыном Травинным, и он был человек еще молодой и не имевший, так же как и большой мой зять, ни отца, ни матери. Некоторые офицеры нашего полку рекомендовали его моему отцу и сосватали сию свадьбу; а как он имел достаточек изрядный и не требовал многого за мою сестрою, а был доволен тем, что мы давали, то родители мои и не имели причины пропускать столь удобного случая к замужеству сестры моей и были тем довольнее, что не принуждено было им за сею дочерью давать более того, сколько дали они за мою большую сестрою.

Таким образом, по милости Господней, пристроены были обе мои сестры к месту, и небольшой достаток родителей моих не претерпел от того знатного ущерба: они лишились немногих только семейств людей, а из деревень ни одной не потеряли; а сверх того и самого движимого приданого дано было весьма умеренное количество. Времена были тогда совсем не такие, как ныне, и целые тысячи не терялись при подобных случаях на сущие и ничего не значащие вздоры и безделки, служащие только обоим сторонам в отягощение, а нередко и в сущее разорение; почему и неудивительно, что все сборы и приуготовления к свадьбе происходили недолго, но все дело в немногие дни было окончено.

Из прочих приключений, происходивших во время нашего пребывания в сем месте, памятно мне только то, что я тут учился писать и что помогал мне в том маленький писарь по прозванию Красиков, умевший рисовать корабли; родившись в Кронштадте, насмотрелся он сим огромным зданиям и умел изображать их довольно хорошо пером на бумаге. Мне, по малолетству моему, казались они тогда изящными картинами, и я не мог ими довольно налюбоваться; но каковую безделку сию корабли ни составляли, однако они вперили в меня первейшую склонность и охоту к рисованию, положили первое основание охоте к сему невинному и приятному художеству, которому я за бесчисленное множество приятных минут в жизни моей обязан и которую имею и поныне.

¹⁷ Мызами называются в Лифляндии и Эстляндии такие селения, в которых есть дворянские дома. Бол.

Кроме сего, помню я еще то, что мне случилось тут с сестрою моею крестить одного большого татарина, и как было сие зимою, то принуждено было производить сие действие на пруде, и он, вместо купели, должен был погружаться три раза в большую прорубь.

Еще памятно мне очень и то, что нашли тут каким-то образом в разрытом колодезе или роднике бесчисленное множество маленьких лягушечек, сбившихся в кучу и сидевших тут между камней. Мы все приходили сию редкость смотреть и не могли довольно тому надивиться.

Кроме сих трех происшествий, не помню я ничего более, а только приходит мне в память, что пред окончанием зимы и на самой вербной неделе переехали мы на другую мызу, которая называлась Лайшлос, по причине, что находился тут древний развалившийся замок; но того уже не знаю, далеко ли она от прежней отстояла или недалеко и велено ли было тут полк и штаб перевести или зависело то от произволения моего отца; но только то знаю, что тут получили мы для квартирования дом уже гораздо просторнейший, так что не только могли мы поместиться в нем со всем нашим увеличившимся семейством, ибо около сего времени приехал к нам и большой зять с сестрою, но поставлена была тут же в особых комнатах и полковая церковь.

Не успели мы в сие место перебраться, как подвержен я был опять величайшей опасности в свете. Полку нашего адъютанту Мармылеву вздумалось как-то подарить меня маленькою лошадкою; я, по ребячеству своему, был сему очень рад, но лошадка сия чуть было не лишила меня жизни. Случилось сие следующим образом: как до сего времени никогда я еще на лошадях не ездил, то, получив тогда в собственность лошадь, получил я вкупе охоту и учиться на лошадях ездить. Меня посадили на оную и водили понемногу, а как несколько я к тому приобвык, то перестали придерживать и, может быть по собственной моей просьбе, дали волю самому править; но не успели отважиться сие сделать, как проклятая лошадь, почувствовав легкость всадника, а может быть и неуменье управлять ею, недолго шла тихою ступою, но, выбравшись за хоромы, пошла час от часу скорее, а потом пустилась во всю прыть, так что ее уж и поймать и удержать не было способа. Я не вспомнил тогда сам себя, но, ухватившись за гриву и за седло, кричал во все горло, а она от того еще больше разъярилась и поскакала со мною во весь опор и, к вящему несчастью, вдоль по плотине превеликого пруда, бывшего тут подле развалин замка. Люди хотя бежали за мною, но ни догнать, ни остановить ее не было способа, и я не знаю, что б со мною было и куда б она меня занесла, если б не пришло мне в голову соскочить с оной. К сему побудило меня наиболее то, что скакала она со мною прямо к прудовому спуску, где, по случаю бывшей тогда половоди, вода ревела во весь спуск и производила шум превеликий. Мне казалось, что, испугавшись сего шума, она верно меня с себя собьет и низринет в бучило;¹⁸ итак, не допуская до того, рассудил я спрыгнуть с ней долой. Но в сем случае, бежав от волка, чуть не попал я на медведя; прыжок мой был хотя довольно удачен, но размер взят был так худо, что я попал на самый край плотины, так что, не могши никак удержаться, покатился кубарем под оный, и доставало очень малого, что не попал я в самое бучило. Одним словом, сам Бог хотел меня спасти, и я уже не знаю, каким образом и за что и как я ухватился и до тех пор удержался и не упал в воду, покуда не прибежали бегущие вслед за мною люди и меня оттуда не вытащили.

Родители мои перетревожены были чрезвычайно сим приключением, и лошадь моя сделалась им, а особливо матери моей, так ненавистною, что велели ее тотчас отдать обратно; но о чем и сам я не тужил, ибо случай сей так меня настрашал, что я долгое время после того не мог отважиться сесть на лошадь; и почему знать, может быть, самый тот же случай положил некоторое основание и тому, что я во всю жизнь мою не был и не мог быть никак охотником до лошадей.

¹⁸ Водоворот, омут, пучина.

Вскоре после того случилась тут же надо мною другая напасть, однако не столь опасная, а более смешная. Наступил день Пасхи и Святая неделя. У отца моего обыкновение было всегда, когда ни случалось ему в полку праздновать сей праздник, приказывать во время заутрени и обедни стрелять из пушек; в этом находил он особое удовольствие, почему приказано было от него и в сей раз сделать все нужные к тому приготовления, но для меня утеха сия была не весьма приятна: будучи в младенчестве стрельбою из пушек нечаянно настрашен, боялся я с того времени оной чрезвычайным образом. Было сие еще в то время, когда отец мой находился во Пскове для ревизии и когда я был еще сущим ребенком; ему случилось праздновать какой-то большой праздник и делать для всех лучших в том городе людей у себя пир. Что-то вздумалось ему придать пиру сему более пышности пушечною пальбою, и как было небольших пушек несколько у тамошнего воеводы, то выпросил он их на сей случай и приказал поставить на улице за воротами, чтоб стрелять из них во время питья здоровьев. Мы ничего о том не знали и не ведали, тем паче, что и места сего, где они поставлены, за строением из дома не видать было, а узнали уже во время самого обеда. Как мне до сего времени от роду моего пушек вблизи видать никогда еще не случалось, то весьма любопытен я был их видеть: почему, не успев услышать, что пушки привезены и стоят на улице, как вмиг очутился я уж у ворот, чтобы видеть сии орудия. Но, к несчастью моему, так случись, что в то время, как только высунулся я из калитки на улицу, надобно было по данному сигналу начать стрелять, а что того еще вяще, то из самой той пушки, которая стояла подле той калитки и не далее от меня, Как сажень. Громкость выстрела, учиненного ею и никогда мною в такой близости не слыханного, и самое зрелище, необыкновенное для меня до того времени, так меня, испугав, поразило, что я вмиг очутился лежащим на земле без памяти. Весь скопившийся тут народ перетревожился сим зрелищем, ибо все подумали, что меня каким-нибудь образом убило выстрелом. Поднимается превеликий шум, делается в стрельбе остановка, бегут сказывать о сем в палаты; люди наши занимаются услугою при столе, перетревоживаются, отыскивают старуху, мою маму; сия без памяти бежит ко мне на улицу, а вскоре за ней приходит и сама моя мать, испужавшаяся до бесконечности; она заметила перешептывание и бегание людей и, догадываясь тотчас, что, верно, что-нибудь особое произошло, допытывается у оных. Утаить долго было не можно. Сердце обмирает у ней, как услышала, что со мною что-то сделалось; она позабывает всю благопристойность, вскакивает из-за стола, бежит без памяти сама на улицу, некоторые из гостей последуют за нею, и все встречают меня, препровождаемого уже мамою за руку обратно в палаты и обгрязнившегося об грязь при падении на улице, ибо со мною не сделалось ничего, кроме того, что я испужался до чрезвычайности. Я был еще и тогда побледневшим, как мертвый, и старался обеими руками затыкать уши, чтоб более стрельбы не слышать.

Испуганная до бесконечности и нежно меня любящая мать обрадовалась неописанно, увидев меня целым и здоровым. Стрелять велели тотчас перестать и меня повели, власно как в торжестве, в палаты, но там принужден я был от отца моего вытерпеть великую гонку за мою резвость и беганье на улице и смех над собой за мою трусость. Он хотел было приказать продолжить стрелять и меня вести туда опять, чтоб приучить к стрельбе, однако гости упростили уже, чтоб сего не делать. Но старухе моей маме досталось довольно за то, что она упустила меня одного бегать на улицу.

Сим образом кончилось тогда сие происшествие, но последствием от того было то, что я несколько лет после того всякий стрельбы, а особливо пушечной, смертельно боялся, хотя после, и по происшествии нескольких лет, страх сей не только миновался, но я до стрельбы сделался особливим охотником.

Но как в тогдашнее время, как стояли мы в помянутой мызе Лайшлос, страх мой еще продолжался, то сердце у меня обмерло, как увидел я полковые пушки, устанавливаемые перед нашею квартирою. Они казались мне ужасными громадами пред теми, которые настращали меня во Пскове, и я не знал, что со мною тогда будет, когда из сих начнут стрелять; совсем

тем, боясь, чтоб опять не было мне за трусость мою от отца гонки, скрывал я всю боязнь мою в глубине сердца и помышлял только о том, чем бы себе сколько-нибудь пособить было можно, и вот что я выдумал и сделал.

Церковь полковая поставлена у нас была в самом том же доме, где мы жили, ибо хоромы были преогромные и покоев множество. Я распроедал, что стрелять станут в то время, когда запоют впервые «Христос воскрес» и станут входить с образами в церковь. Дождавшись сего времени, рассудил за лучшее куда-нибудь уйтить и скрыться, а чтоб удобнее сие сделать, то рассудил воспользоваться стеснением народным, когда выходить станут из церкви с образами. Сие и учинил я с таким искусством, что никто не видал, как я скрылся и ушел. Далече бежать мне было некогда, но я ушел в отдаленнейшие покои того же дома и, в самой задней комнате нашедши кровать, лег на оную и укрылся подушками и одеялами так, что меня совсем было не видать, и пушечные выстрелы едва были слышны. От каждого выстрела трепетало у меня сердце, но, по счастью, было их немного и число оных было мне известно.

Между тем как я, сим образом закутавшись, лежал и трепещуще считал выстрелы, в церкви происходила уже тревога: родители мои меня встрепенулися и везде меня спрашивали и искали, но как никто не мог ничего обо мне сказать, то пришли в недоумение и разослали повсюду людей меня искать.

Некоторые из них приходили в самую ту комнату, однако никак меня не приметили, и верно б никто не нашел, если б по окончании стрельбы я сам уже не вышел и не явился в церкви.

Тут начались тотчас спросы и расспросы, и, как утаить истины не было способа, я принужден был признаться; то посмеявшись тому, в наказание за мое плутовство определено было во время обедни держать меня в церкви уже под честным арестом. Покойный родитель мой поставил меня уже пред собою на скамейке, и я во время стрельяния из пушек, при чтании Евангелия, хоть со всяким выстрелом приседал, но принужден был выдержать все оное, не зажимая даже и уши.

Не успела пройти Святая неделя, как старания отца моего обо мне стали простираться от часу далее. Ему не хотелось, чтоб я вырос у него неучью и болваном, и он судил, что уж время отнять меня из рук женских и учить чему-нибудь дальнейшему, кроме грамоты русской. Паче всего хотелось ему, чтоб я знал также немецкий язык, которым он сам умел говорить, и коим он в жизнь свою очень много пользовался, также и арифметики. Учители немцы и французы не были еще тогда в нашем отечестве таковы многочисленны, как ныне, их было очень мало, а сверх того и достаток отца моего не был так велик, чтоб мог он, а особливо в тогдашнее время, нанимать и содержать у себя в доме учителя нарочного, к отдаче же в люди был я еще слишком мал; итак, другого не оставалось, как искать какого-нибудь иного способа, и к удовольствию таковой скоро нашелся.

В полку его было не только офицеров, но и унтер-офицеров множество немцев; из сих последних вздумалось ему отыскать какого-нибудь поспособнее и приставить ко мне для научения немецкого языка. Но как большая часть сих немцев состояла из лифляндских и эстляндских дворян и наиболее из небогатых, всего же меньше учившихся в молодости своей каким-нибудь наукам и разумеющих что-нибудь порядочное, то трудно было и между ними отыскать человека, и по долгом искании иного не оставалось, как взять прибежище и обратиться внимание свое на одного унтер-офицера, родом из Германии и приехавшего за немногие годы до того из Любека для принятия нашей службы. Прозвище ему было Миллер, а впрочем, назван он уже был у нас на службе Яковом Яковлевичем, поелику у нас всем иностранцам дают тотчас имена и отечества. Богу известно, какого он был роду, но только то мне известно, что он никаким наукам не умел, кроме одной арифметики, которую знал твердо, да и умел также читать и писать очень хорошо по-немецки, почему заключаю, что надобно быть ему какому-

нибудь купеческому сыну, и притом весьма небогатому и воспитанному в простой школе, и весьма просто и низко.

Но как говорится в пословице, что «на безлюдье и сидни в честь»,¹⁹ то в недостатке лучшего был отец мой и сему уже рад, ибо для первого случая довольно уже было и его знаний, потому что читать и писать мог и он уже меня научить, равно как и арифметике.

Таким образом назначен был сей иностранец мне в учителя, взят в наш дом, и я препоручен ему на руки. Для нас с ним отведен был особый уединенный покоец, и он начал меня учить всему, что знал, вдруг, то есть читать, писать по-немецки и самой арифметике понемногу.

Мне шел в сие время хотя девятый еще год, однако мои родители и сам учитель были понятием моим довольны. Я очень скоро научился читать, а и писать учиться мне немудрено было; но не столько я доволен был своим учителем. Человек он был особенного характера, нрав имел строптивый и своенравный, не мог терпеть никаких шуток, сердился и досадовал на всех за сие, а сие и побуждало других еще более над ним смеяться, и тем паче, что и собою был он очень дурен и губаст. Со мною обходился он не так, как хорошему учителю должно, но так, как от неуча и грубого воспитания человека ожидать можно, и нередко принужден я был претерпевать от него лихо и проливать слезы.

Со всем тем и каков он ни был, но я за первое основание своего немецкого языка и арифметики обязан сему иностранцу; он научил меня читать и писать, но говорить научить был не в состоянии, а мучил меня только вокабулами.²⁰

Мы простояли в сем месте недолго, ибо как скоро наступила весна и трава выросла, то велено было иттить полку нашему под Ригу и там сие лето стоять лагерем. Итак, все наше стояние тут не продолжалось и трех месяцев: Богу известно, на что производимы были полками такие марши и контрмарши и с одного места перебивка на другое. Но как бы то ни было, мы принуждены были повелению сему повиноваться, и в поведенное место в поход с полком в непродолжительном времени и выступить.

Во время сего летнего похода, который в первый еще раз мне случилось видеть, расстался я впервые и с моею матерью, ибо как отцу моему с собою ее взять и в лагере при себе держать не годилось, то отпустил он ее вместе с большою моею сестрою в деревню ее мужа во Псков, а меньшую мою сестру с мужем – в их кашинскую деревню; меня же, как начавшего уже учиться, взял с собою, и как с сего времени начинается новый период моей жизни, то я сим письмом сие и кончу, сказав вам, что я есмь, и прочая.

¹⁹ Сидень – тот, кто много сидит; разбитый параличом.

²⁰ Слова; здесь: списки слов для затверживания наизусть.

В лагере и во Пскове Письмо 7-е

Любезный приятель! Первое расставание с моею матерью и со всеми родными моими, с которыми от самого рождения жил я неразлучно, и притом в столь нежных молодых летах, было мне, как существу еще ребенку, весьма горестно и чувствительно. – Было сие в городе Дерпте или Юрьеве, ибо оттуда поехала мать моя во Псков, а я с покойным родителем моим в поход под Ригу. Не могу и поныне забыть того, в какой расстройке находился тогда дух мой, когда час разлуки нашей начал приближаться, и какую грустью и тоскою преисполнилось сердце мое; мне казалось, что все стихии тогда иной вид воспринимали и все переменалось в свете. Колико слез пролито было в сей день! Колико вздохов испущено, и сколько раз оглядывался я назад, в ту сторону, в которую поехали мои родные. С каким вожделением желал я пробывать с ними хоть еще несколько минут вместе и видеть их еще однажды!

Таким образом, вступив в новый род жизни, начал я час от часу далее и с множайшим прилежанием свою науку, и как я наиболее занят был оною, то не мог я знать все, что тогда происходило, а помню только то, что лагерь назначен нам был несколько верст от Риги, что стояли мы тут все лето, жили в палатках и что приехал к нам туда и большой мой зять из деревни.

Во все сие время продолжал я учиться и упражнялся более в писании. Походная жизнь и стояние в лагере было для меня совсем новое: частые полковые строи, и смотры генеральские, и ежедневные перемены, и ученья, и вся военная жизнь, и происхождения были такими предметами, каких я до сего не видывал и которые меня и удивляли, и веселили, почему она мне довольно и полюбилась. Между прочим, помню я еще и то, что однажды приехал смотреть наш полк и сам старик фельдмаршал Лесий, живший тогда в Риге, и что отец мой возил однажды меня с собою к нему в Ригу, ибо он его считал себе милостивцом и приятелем. Случай сей для меня, ничего подобного тому еще не видавшего, был весьма поразителен; как в городе Риге, так и в замке у фельдмаршала не мог я всему довольно насмотреться.

По наступлении осени велено было полку нашему иттить на зимние квартиры в столичный наш город Петербург, и как маршрут назначен был через Псков, то отцу моему был наилучнейший случай заехать к моему зятю и свидеться с своими родными. Тут имел я неопи- санное удовольствие увидеть опять мою мать и сестер, которых любил я чрезвычайно.

Отец мой пробыл в сей раз у зятя недолго, но отправился с полком своим в назначенный путь и взял с собою и мать мою.

Из приключений, случившихся со мною около сего времени, памятны мне только два, из которых одно имело великое влияние на всю мою жизнь и чуть было не лишило меня жизни, а именно.

Родителю моему, в бытность его у зятя в деревне, вздумалось однажды с некоторыми приезжими гостями поехать с собаками на охоту. Он хотя и не был страстным охотником до сей, толь многих людей с ума сводящей, увечащей и разоряющей забавы, однако изредка, а особливо с приятелями, любил выезжать для компании в поле, и потому всегда бывали у него две или три борзых собаки. Точно так случилось и в сей раз. Съехалось к зятю моему множество соседственного дворянства; некоторые из них расхвастались своими собаками и что зверей много, и всем тем уговорили отца моего, чтобы выехать с ними в поле. Но сего было еще недовольно; но как и в тогдашнее время была такая же у многих глупость, какую заражены многие и ныне, то есть чтоб брать с собою на охоту маленьких детей и оных от младых когтей²¹

²¹ «Коготь» употребляется и в значении «ногтя» у человека. Смысл этого выражения подобен современному – «с пеленок».

приучать к сей вредной и разорительной охоте, то все гости убедили родителя моего, чтоб и меня взять с собою на охоту, на маленькой моей и смирной лошадке, и тем паче, что я около сего времени умел уже сидеть на лошади и ездить, а охоты от рождения моего еще не видел; но что ж впоследствии?

Не успели мы въехать в лес и на одну вырубленную в оном обширную поляну, наполненную множеством высоких пней, каких везде в тамошней местности много и каковые места называются там «суками», как появился заяц, и началась травля. Собаки полетели за оным, и все охотники на лошадях своих поскакали во весь опор за оными. Лошадь моя, какова ни была смирна, но увидев таковую дружную скачку, сопровождаемую криком, вздумала для компании скакать вместе с ними, и что ни есть поры мочи. Я ее держать, я останавливать, ибо мне скакать нисколько не хотелось, не тут-то было: силы мои были слишком слабы к удержанию сего животного, она и не чувствовала всего моего тащения поводами, но ярилась все более. Увидев сие и что лошадь взяла верх и меня не слушается, обмер я, и испужался, ибо как ни был мал, но заключил, что она меня собьет и я легко могу лишиться жизни. К вящему несчастью, я никогда еще добровольно не скакивал, кроме того случая, о котором упоминал я прежде и при котором едва я не лишился жизни; иному же лошадь мою остановить было некому: все без памяти поскакали вслед за зайцем, и я находился позади всех. В сей крайности находясь, другого я не нашел, как ухватиться обеими руками за холку у лошади и прилечь к седлу, думая, что через то удержусь я лучше; но сие положение было для меня еще того труднее и опаснее. Меня зачало тресть и взметать немилосердно, и я всякую минуту ждал, что полечу с лошади долой. До сего времени все еще я молчал, но как сделалось сие, то отчаявшись в жизни, поднял я ужасный вопль:

– Ай! ай! ай! ай! ай! ай! ай!

Но криком сим сделал себе еще того хуже: из господ охотников никто оного не услышал и не оглянулся, а моя лошадь сочла, что я ее еще более понукаю, и начала скакать еще прытче прежнего. Тогда-то считал я уже погибель свою неизбежною, и тем паче, что вскакала она в такое место, где пень на пне почти находится, и я того и смотрел, и ждал, что она спотыкнется и меня и себя разобьет вдребезги. Что было тогда делать?.. Удержать не было способа, ибо, между тем как я лежал на седле, вырвались у меня и повода, и я не мог уже и достать оных. Крик и вопль мой был тщетен, никто меня не видел и не слышал, все уже из виду ускакали, лошадь неслась во всю прыть и то и дело цепляла за пеня и коряги. В таковой крайности находясь, другого не оставалось, как искать по-прежнему спасения своего в прыганье; по крайней мере, думал я, что тут нет никакой вершины и буерака, и убится мне будет не можно. Итак, недолго думая и улучив такое место, где пеня были пореже и не таковы часты, как в других местах, прыг я с лошади долой; но надобно было, чтоб и сие не к спасению моему, но к вящему еще приумноженью моей опасности послужило. Рассудок мой был не так еще велик, чтоб взять предосторожность в рассуждении ног моих: одну из них я из стремя освободил, а о другой и позабыл вовсе, а она благополучно и просунулась сквозь стремя, и я, упав на землю, повис одною ногою в стреме.

Всякому можно теперь рассудить, не на единый ли волос или не на пядень ли я был от смерти? Упасть на всем скаку лошади между пенев и повиснуть на стреме! Долго ли было убить лошади меня ногою либо раздребезжить о пеня и коряги. Однако ни того, ни другого не последовало, но провидению, бдевшему о целости моей жизни и назначившему мне жить многие годы на свете, угодно было распорядить инако и сделать то, чтоб самый сей, по-видимому, бедственный и наиопаснейший случай не только не послужил мне ни к малейшему вреду, но обратился еще мне в действительную пользу.

Лошади надобно было падение мое почувствовать, а в самое то ж время заступить ногою за повод и от самого того тотчас остановиться; а самое сие и спасло меня от смерти, Я успел ногу свою из стремя высвободить и от лошади откатиться прочь; и как падение было несовер-

шенное, то и не убился я нимало, но был цел и невредим. Польза же произошла та, что сей случай и родителя моего, и самого меня так настрашал, что он с сего времени не стал уже меня никогда брать с собою на охоту, а я никогда не помышлял уже и проситься, но получил к ней совершенное отвращение, что спасло меня от того, что я не мог в молодости своей к сей пагубной охоте пристраститься; но во все продолжение жизни моей не находил я в ней никакого удовольствия и не потерял на нее ни единого часа времени, но был всегдашним ее ненавистником.

Что касается до другого приключения, то оно не составляло никакой дальней важности, и я упомяну о нем только для того, чтоб изъяснить чрез то одну черту характера моего учителя. Было то уже в походе и в самом городе Пскове, куда мы из зятниной деревни приехали и нашли полк, нас тут ожидающий. Во все продолжение сего похода отводима была обыкновенно мне, с учителем моим немцем, особливая квартира, ибо как я учиться непрерывно у него продолжал, то, дабы нам никто в том не мешал, и приказано было квартирмейстру назначать нам всегда особую избу. По обыкновению сему получили мы и в сем городе особый домик. Тут, учась однажды после обеда, чем-то таким не угодил я своему учителю. Я уже сказывал, что человек он был мудреного нрава и не угодить ему легче и скорее и всем было можно, и нередко за самую безделицу и ничего нестоящее дело не только серчал, бранился, ярился несколько часов сряду, но и бивал и секал меня немилосердным иногда образом и чрез то произвел то, что я его не столько любил, сколько боялся и страшился.

Итак, не успел я ему угодить и приметить, что начинает он сердиться, как вострепетал душою и сердцем, слезы покатались у меня из глаз, и я просил его, чтоб он отпустил мне мой проступок. Но не такого нрава и расположения был мой учитель, чтоб ему тронуться моими слезами и признанием, что я виноват; он возъярился еще более и, желая умышленно нанести мне более страха и боязни, схватил стоявшее тут у стены, по случаю, ружье, зарядил оное и собирался выстрелить в окно на улицу, ведая, что мне стрельба всего была страшнее. Я вострепетал, сие увидев, просил его сколько мог, чтоб он сего не делал и меня не страшал; но как увидел, что все мои просьбы тщетны и он им только насмеялся и меня дразнил, то действие страха и боязни столь близкой стрельбы до того меня довело, что я вскочил, упал ему в ноги и со слезами просил лучше меня сколько угодно ему высечь, но только не стрелять. Но упрямец сего ни слезы, ни обнимания его ног, ни все жалостные умаливания не могли тронуть; но он выстрелил и находил удовольствие в том, что я насмерть перестрашался.

Но судьба не оставила его за такое жестокосердие без наказания: ружье, отдавши назад, произвело ему такой толчок в плечо, что он насилу на ногах устоял и у него оно недели две болело. Однако и сего было еще недовольно, но скоро увидел он, что его и разорвало. Сие явление произвело тогда сущую комедию; учитель мой, приметив сие, столько ж испужался тогда, сколько сам я был настрашан был до того времени. Ружье было хорошее и принадлежало квартирмейстру; он легко мог заключить, что как сие дело откроется и узнают все происходившее, то для него будет весьма трудно отвечать; он радовался хотя, что отделался сам цел и что ружье хотя разорвало, но не совсем испортило, а только в одном боку раздуло, и что можно еще было поврежденное место чем-нибудь замазать и тем все дело на время скрыть; однако мнение, что я не премину обо всем том рассказать, утратило его несказанным образом. Сие обстоятельство превратило его из прежнего лютого зверя в наисмирнейшего агнца; низкость духа его была так велика, что он стал меня просить, чтоб я никому сего не сказывал, и всячески улащать, чтоб я ему угождение сделал, обещая сам мне то заменить и не наказывать меня за вины мои. Я сколько ни огорчен и ни раздосадован на него ни был, но чего не согласится ученик для учителя, и для учителя такового, сделать? Посмеявшись внутренно его трусости и помучив несколько своим молчанием, согласился я наконец на его просьбу, и обоим нам удалось так хорошо скрыть сие дело, что никто не узнал истины, чем дело сие и кончилось.

Из дальнейших происшествий, бывших во время сего похода, ничего особенного я не помню, кроме того, что мы шли через город Гдов²² и приехали в Петербург уже по зиме.

Вид сего нашего города и столицы был мне поразителен. Я никогда еще его до тогдашнего времени не видывал, а только слышался довольно и потому нетерпеливо хотел видеть. Желание мое и удовлетворено было с избытком: я при самом въезде уже глаза растерял на прекрасные дома и раскрашенные повсюду заборы и решетки и только что, сядучи с покойной матерью в коляске, восклицал:

– Ну, Петербург! Прямо Петербург!

Когда же увидел дворец и прочие огромные здания, то не знал, как и изобразить свое удивление.

Квартиры для нашего полка назначены были тогда на Петербургской стороне и были довольно изрядные. Нам случилось получить дом подле самой церкви Введения Богородицы, и мы были квартирою своею очень довольны.

Не успели мы по сим квартирам расположиться, как случилось в Петербурге нарочито великое наводнение. Явление сие было для меня также новое: все улицы вокруг нашего дома понаты²³ были водою, и люди принуждены были ездить на лодках и на воротах; но, по счастью, продолжалось сие наводнение недолго и не произвело никакого дальнего вреда.

Вскоре после нас приехала к нам и большая сестра с мужем... сей был тогда уже аудитором.²⁴ Отцу моему хотя и хотелось доставить и меньшему зятю офицерский чин, но тогда производство было очень туго, и сделать сие не таково было скоро; но, по счастью, поспешествовал к тому особый и нечаянный случай. В полку нашем был тогда адъютантом алексинский дворянин Дмитрий Васильевич Арсеньев, самый тот, который после дослужился до генеральского чина. Высокий его рост и красивый стан полюбился при дворе; его взяли от нас из полку в лейб-компанию, и как его место опросталось, то произведен был на сию вакансию мой старший, а на его место мой младший зять, господин Травин, в аудиторы. Что касается до меня, то как я был еще сущим ребенком, то по тогдашним временам ничего еще со мною учинить было не можно, а все, что я помню, то родитель мой учинил только то, что взял меня однажды с собою во дворец, желая показать мне сие пышное императорское жилище.

Я не могу изобразить, с каким удивлением и подобострастием взирал на тогдашний огромный дом царей наших; он был тогда хотя сущая малость против нынешнего и немногим чем лучше нынешних домов знатных бояр, но для меня казалось все велико и удивительно. В особенности же поразился я его внутренности; мне показался он сущим раем, и я не знал, на что смотреть и чему удивляться больше. Все казалось мне величественно, а паче всего утешали меня зеркальные стены на галерее, на которые я не мог довольно налюбоваться. Впрочем, ходил я за отцом моим ни жив, ни мертв от подобострастия и боялся прикоснуться самых стен сих священных чертогов наших монархов.

Со всем тем самую императрицу сколько я ни желал, но не удалось мне тогда видеть; а отец мой представлял меня только гофмаршалу Дмитрию Андреевичу Шепелеву, которого он считал себе милостивцем и другом. Другой же знакомец и приятель был у него гвардии Измайловского полку майор Гаврила Андреевич Рахманов. Сего я также видел, но как я был ребенком, то и не удостоен я от них никакого уважения.

Другое и также для меня удивительное зрелище составлял бывший, не помню в какой день, фейерверк; но как я все еще боялся стрельбы, то видел я его несовершенно, и только издали верхние огни и ракеты, которые не могу изобразить, как показались мне удивительными.

²² Ныне город Лужского округа Ленинградской области.

²³ Залиты.

²⁴ Чиновник военного суда.

Впрочем, препровождал я время свое в продолжении моих наук и был безотлучно от учителя. Он жил у нас же в доме, в особой пристройке, и там сидели мы с ним от утра до вечера. Сколько мне помнится, то умел уже я около сего времени изряднехонько писать по-немецки, а впрочем, учил уже грамматику немецкую. Но, судя по теперешнему знанию, все мое учение было пребеднейшее, ибо о том, как учат люди по грамматике, то все учение его состояло в том, что выписывал он все слова и вокабулы и заставлял меня вытверживать их наизусть. До глаголов же и до прочих частей нам с ним и дела не было, и потому можно сказать, что все учение его было, прямо скажем, топорной работы, почему и неудивительно, что не было от того и дальнего успеха, ибо память моя отягощаема была только множеством вокабул, но которые я столь же скоро опять, по молодости своей, позабывать мог, как и выучивался, пользы же от того было очень мало.

Перед приближением Нового года вздумалось учителю моему сочинить поздравительное письмо родителю моему от имени моего с Новым годом и заставить его меня переписать на белой бумаге с золотым обрезом. В работе сей упражнялся я несколько времени, ибо становил всякое слово с превеликою осторожностью и боязнью, чтобы не испортить; бумага сия почитаемая была властно как некакую святостью, и я трепетал, писавши оную, и ныне весьма дорого б заплатил, если б кто мог мне отыскать оную. Я надселя б со смеху тогдашнему моему писанию, а не столько писанию, сколько русскому переводу, который вздумалось учителю моему приобщить на другой странице и который, как теперь помню, был наиглупейший и вздорнейший и содержал такую нескладную галиматью, чтоб тому довольно нахохотаться было не можно. Но, к сожалению, время похитило у меня сию грамоту и монумент глупости моего учителя.

Кроме сего, продолжал я учиться арифметике и около сего времени был уже далек в оной, ибо за понятием моим не было ни малейшей остановки: я понимал все хорошо и довольно скоро, а недоставало только порядка в учении и хорошего учителя.

Как в доказательство тому, так и в дальнейшее изображение странного характера моего учителя, расскажу я теперь один случай и происшествие со мною, бывшее около сего времени.

Однажды, обучая меня арифметике, вздумалось учителю моему мне сказать, что в последующий за тем день задаст он мне такую задачу, над которой я довольно посижу и едва сделать буду в состоянии. Я, каков ни был мал, но как сам о себе ведал, что арифметика мне довольно знакома, то тронуло сие мое честолюбие; я любопытен был узнать, что б за такая мудреная была та задача, о которой он с превеликою надменностью о своем знании говорил, и почему б такому сомневался он, что я ее не сделаю. Побуждаем сим любопытством, просил я его, чтоб он мне сказал существо задачи, и, по несчастью моему, он сие и исполнил.

Задача в самом деле была для меня новая и такая, какой я до того времени не дельвал. Она принадлежала к фальшивым правилам и всем арифметистам довольно известная, а именно касающаяся до стада гусей и повстречавшемуся с ними одного гуся.

Не успел я услышать и узнать, в чем состояла задача, как, не хотя поставить себя в стыде, начал я еще тогда же мысленно доискиваться, какому б числу надлежало быть, если положив оное еще раз, да половину, да четверть числа, да еще гуся одного, пришлось бы ровно сто; и как любопытство, так и желание до того добраться было так велико, что я, легши спать, до полуночи не спал, а все думал и прежде не уснул, покуда не добрался, что число гусей было 36. Сей случай был первый, при котором разум мой оказал свою способность и принужден был действовать собою. Я несказанно обрадовался, добравшись до желаемого, и заснул в мечтательных воображениях о том удивлении и удовольствии, какое будет иметь мой учитель при скором моем решении его задачи, и с нетерпеливостью дожидался того времени, как мне она задана будет. Сколь я ни мал был, но рассудил, что дурно будет, если сделаю я ее слишком скоро, а потому и положил притвориться и наперед минуту, другую цифров пописать, а потом уж сделать, что и исполнил я в самой точности.

Но что ж воспоследовало и сколь много обманулся я в моем чаянии и ожидании и сколь худо заплачено было за мое усердие и труды! Не успел я известное мне число на доске написать и задачу сделать, как, вместо ожидаемых за то похвал, учитель мой вздурился. Обстоятельство, что он в ожидании своем обманулся и ему не удалось меня помучить, так его взбесило, что напал на меня, как лютей зверь, и насильно требовал, чтоб я признался, что я у него число сие, написанное на аспидной доске, повешенной на стене, подсмотрел, а не сам собою доискался. Я, ведая его бешеный нрав, вострепетал, сие увидев: я клялся ему небом и землею, что того и не ведал, что у него задача сия была написана на доске, и призывал всех святых в свидетели, что целую почти ночь не спал и доискался сам; но все мои клятвы и уверенья были тщетны: он и слышать того не хотел, чтоб сие возможное было дело, и я принужден был вытерпеть от него целую пытку. Вовеки не позабуду сего случая и того, сколь чувствительно и несносно было мне тогда терпеть сию сущую пытку понапрасну. Немец мой сделался тогда сущим извергом: он не только меня иссек немилосерднейшим образом хворостинами по всему телу, без всякого разбора, но грыз почти меня зубами и терзал, как лютей зверь, без всякого человечества и милосердия. Он так разъярился, что пена стояла у него во рту, и до тех пор меня мучил, покуда выбился сам уже из сил и запыхался так, что принужден был меня покинуть; ни слезы, ни умаливания, ни целования рук и ног его, ни повторяемые клятвы не могли смягчить сего чудовища. К вящему моему несчастью, комнатка моя была в самом углу и отдалении, что никому крика и вопля моего было не слышно и никто не мог притти и меня отнять у сего тирана. Вот какого имел я учителя.

Насытившись сколько душе его было угодно и не добившись от меня всем сечением своим ничего, ибо мне в самом деле сказать было нечего, утолился он наконец сам от своей ярости и смотрел на меня, хлипующего и сидящего в наижалостнейшем состоянии. Слезы текли у меня из глаз ручьями, и горесть, которую я тогда чувствовал, была неописанна.

Но сколь удивление мое было чрезвычайно, как в самое сие время увидел я учителя моего, вставшего, подошедшего ко мне, превратившегося из прежнего лютого зверя в наикротчайшего агнца и начавшего нежно трепать меня по щеке и ласковейшим образом уговаривать, чтоб я перестал плакать:

– Ну! ну! – говорил он. – Бог тебя простит! Перестань плакать, помиримся.

Явление сие и таковые неожиданные слова еще более усугубили мою горесть и слезы.

– Не в чем меня, – отвечал я сквозь слезы, – ни Богу, ни вам прощать, я ничего не сделал, и вы Бога, сударь, не боитесь, что так меня измучили совсем напрасно; батюшка и матушка как изволят, а я упаду к ногам их и буду просить, чтоб они меня помиловали.

Сей ответ мой еще более встревожил его, ибо надобно знать, что таковое дружное и скорое превращение его было по причине: он приметил, что во время сечения и ярости своей поступил он слишком неосторожно и розгами попал мне в лицо и произвел превеликий рубец на щеке и в самой близости подле глаза. Сего обстоятельства я и сам тогда еще не ведал, а он, как ни зол был, однако легко мог предвидеть, что за сие будет ему от родителей моих превеликая гонка. Он раскаивался тогда, но уже было поздно, что поступил со мною так бесчеловечно, и не знал чем пособить сему злу и чем и как бы скрыть и утаить сие дело от уздания моих родителей. Самое сие принудило его надеть на себя овечье платье, сделаться сущою лисицею и всячески стараться меня улещивать и уговаривать, чтоб я сказал, что рубец сей получил не от сечения, а будто бы ходил в сад и застегнул себе лицо нечаянно хворостиною. Но я не таков был глуп, чтоб тотчас на сие предложение и согласиться, но, узнавши сие обстоятельство, восторжествовал над моим мучителем: смеялся внутренно его трусости и малодушию и в некоторое отомщение за претерпенные от него невинно побои помучил его часа три своею несговорчивостью и нехотением утаить сего дела от родителей, и довел его наконец до того, что он перетрусился в прах, не знал, что делать, ласкал меня всем, чем можно, надавал тысячу клятв и обещаний, что впредь меня сечь не станет, насылил мне ягод и конфеток; и всем тем

и неотступными просьбами убедил меня наконец к тому, что я согласился по крайней мере не приносить родителям моим на него жалобы.

Сие слово я хотя и сдержал, однако дело сие не могло никак утаиться в доме: сестра моя, любившая меня весьма горячо, приметив рубец, тотчас меня стала спрашивать; я хотя и не хотел сказывать, но догадались и сами. Тотчас узнала и покойная моя мать, и не только учителю моему дала превеликую за то гонку, но поссорилась за то почти и с моим отцом; но сей, не узнав всей истины, не уважал сего дела по достоинству и через самое то дал учителю моему поползновение и вперед предпринимать дела тому подобные. Говорил ли он от себя что-нибудь учителю, того уж я не знаю; но как бы то ни было, но тем история сия тогда кончилась, и учитель мой несколько времени был помирнее, однако не надолго, а скоро принялся опять за свое глупое ремесло, как о том упомянется впоследствии.

Из прочих приключений, случившихся со мною около сего времени, помню я только одно, и довольно странное и удивительное. Одному из самых передних верхних моих зубов во рту вздумалось что-то расти совсем превратным образом, а именно вверх, и не только прорезать собою верхнюю десну, но произвести рану и на самой верхней губе изнутри и пройти уже почти наполовину сквозь оную. Таковое странное и необыкновенное явление озаботило и смущало моих родителей, они не знали, что со мною и с зубом сим делать, и тем паче, что он рос кверху острым концом и мне много мешал уже и говорить. Они советовали уже со многими врачами, но для всех явление сие было новое и необыкновенное и никто не отваживался взять на себя комиссию его выдернуть. И я истинно не знаю, чтоб со мною воспоследовало, если б не стал сей опасный зуб сам качаться и не раскачался в скором времени так, что полковому нашему лекарю никакого почти труда не стоило оный пальцами, повернув немного, выдернуть и чрез то избавить меня от опасности быть уродом.

Примечания достойно, что на сем месте не выросло уже у меня никогда зуба, а дабы число зубов не сделать у меня недостаточным, то произвела натура новый зуб, хотя подле того же места, но в необыкновенном месте, а именно в небе, которым зубом я и поныне еще отличаюсь от всех прочих людей на свете, ибо во всю мою жизнь случилось мне видеть и найти у одного только человека, у которого был зуб точно подобный моему, а именно у одного из господ Бакеевых, дальнего моего родственника с матерней стороны; он назывался Сила Борисович, жил неподалеку от нас в деревне, и об нем иметь я буду говорить впредь, при другом случае. Впрочем, все родственники мои сначала боялись, чтоб сей удивительный зуб не стал мне мешать говорить, однако после оказалось, что он дальнего помешательства мне не делал, но я прожил с ним целый век и говорил как надобно.

Между сими происшествиями протек тысяча семьсот сорок седьмой год, который был достопамятен в жизни моей тем, что я в оный начал впервые учиться иностранным языкам и подвержен был два раза величайшей опасности, но от которых счастливо освободился; а как кстати и письмо сие довольно увеличилось, то, отложив дальнейшее повествование до последующего, сие теперь окончу, сказав вам, что я есмь, и прочая.

В Курляндии Письмо 8-е

Любезный приятель! Предследующее письмо пресек я окончанием 1747 года, а теперь, продолжая повествование мое, расскажу вам, что случилось со мной в наступивший после его новый 1748 год, который не менее достопамятен был бывшими со мною разными приключениями.

Полк наш простоял в Петербурге недолго, ибо не успело наступившего нового года пройти одного месяца, как вдруг и совсем нечаянным образом сказан нам был опять поход, и велено было немедленно итти в Курляндию. Причиною движения сему была горевшая около того времени в Европе война и намерение нашего двора отправить в Германию к Цесареве вспомогательный корпус.²⁵ Неожиданность сия нас не менее удивила, сколько и порасстроила; но как бы то ни было, мы должны были повиноваться и выступить в поход еще в начале февраля месяца.

Поход сей, продолжаемый зимним путем, был мне сколько приятен тем, что мы получали везде прекрасные квартиры, ибо оные отцу моему отводимы были обыкновенно на почтовых дворах,²⁶ из коих в каждом находили особые и отменные от других украшения и убранства, сколько досаден тем, что учитель мой и во время самой дороги заставлял меня учить наизусть и твердить вокабулы и требовал, чтоб я из многих тысяч выученных наизусть слов не позабыл ни единого; но как сие составляло сущую невозможность, то и принужден я был терпеть от него за то превеликое зло и лихо. Все обещания его меня не сечь были позабыты, и я нередко принужден был страдать от него жестокосердного; но он так много меня не секал, как при одном случае во время сего путешествия. Как теперь подумаю, то кажется, что он сущестительное находил увеселение и утешение в том, чтоб меня терзать и мучить. В сие время затеял он однажды все вокабулы, сколько я их в разные времена ни выучил, прослушать и, дав мне только сутки времени протвердить, наперед сказал, что он за каждое позабытое мною слово неотменно влепит мне по три удара розгою в спину. Я удостоверен был, что он сие действительно исполнит, и сие нагнало на меня такой страх и привело мысли мои в такую расстройку, что я множество и таких слов позабыл, которые действительно помнил, а особливо тогда, когда он начал меня прослушивать и все забытые слова считать и радоваться, что будет ему случай насытить свою лютость и хорошенько меня помучить. Розги приуготовлены уже были превеликие и лежали на столе, и сие зрелище привело меня в такую робость, что я и на самые известнейшие вопросы не мог ему ничего ответить. Наконец кончилось прослушивание, и он насчитал всех позабытых слов более двухсот и со зверским хохотом возвещал мне, что получу 600 ударов. Я обмер, испужался, увидев, что он действительно сие исполнить предпринял, и не знал, что делать. К несчастью, случилось сие в одном селе на особой и отдаленной квартире, в которой никого не было, кроме одной хозяйки; я упал ему в ноги и, облившись слезами, просил о помиловании; но все мои умаливания были тщетны, прощать не его было свойство, и я принужден был шествовать на двор, где вознамерился он произвесть надо мною сию экзекуцию и, собственно, для того, чтоб тем меньше можно было кому-нибудь мой вопль услышать. Тут, ущемив меня между ног, начал он меня тиранить и действительно считать все разы; я кричал, вопил, а наконец и вопить уже более не мог, и уже не знал, что б со мною было, если б не сжалилась со мною хозяйка и не избавила меня от сего мучителя. Уже насчитал он

²⁵ Речь идет о войне за австрийское наследство (1741-48 гг.). Цесарева – Мария-Терезия – старшая дочь австрийского императора Карла VI, вступившая после его смерти во владение всеми землями австрийской монархии. Россия активно выступала на стороне Австрии (2 июня 1747 года), послав корпус на Рейн.

²⁶ Почтовая станция, где менялись лошади.

двести раз и начал считать третью сотню, и я уже осип от кричанья, как выбежала на двор сия добросердечная женщина и, прибегши к нам, силою отняла меня от него и, оттолкнув его прочь, сказала:

– И что ты за лукавый! Ведь ты ребенка-то до смерти засецешь! И есть ли тебе Бог, бусурман проклятый!

Он было вздумал противиться и отнять меня у ней опять, однако она так его от себя толкнула, что он чуть было не упал, и повела меня прямо со двора, чтоб весть к моей матери. Но самая сия выдумка усмирила моего мучителя, он побожился ей, что не станет более сечь, и она послушалась и оставила.

Со всем тем, как мне в сей раз было уже слишком несносно, то я не преминул уже формально на него матери своей пожаловаться и, рассказав все, показать, сколь жестоко я иссечен; и сие так много воздействовало, что ему от родителей моих досталась не только превеликая гонка, но и формально запрещено впредь без их ведома меня наказывать. И с сего времени сделался учитель мой уже гораздо смиреннее, и я не помню уже ни однажды, чтоб он меня так сильно секал.

Мы препроводили в сем походе немалое время, ибо надлежало проходить всю Ингрию,²⁷ Эстляндию и Лифляндию, а полки, как известно, ходят не скоро и притом все с растахами, посему и не могли прежде в Курляндию приттить, как в марте месяце. Для стояния нашему полку назначено было местечко или городок Бовск с его окрестностями, куда пришел мы и расположились.

Местечко сие было изрядное, лежащее при реке Неманте в том месте, где впадает в нее река Муха.²⁸ Подле самого устья сей последней реки находился старинный каменный, но наполовину развалившийся замок с полверсты от нынешнего жила;²⁹ в нынешнем же городке были многие изрядные домики, и для отца моего отведена была изрядная квартира, а учителю моему прямо насупротив у одного пекаря, куда я к нему и хаживал учиться.

Не успели мы тут расположиться и основать свое жилище, как наступила Святая неделя. Мы праздновали день Пасхи в поставленной в доме полковой церкви, и отец мой имел при сем случае ту досаду, что во время стреляния из пушек оторвало одному канониру руку.

По наступлении весны выведен был весь полк в лагерь, но как расположен он был в близости подле самого города, то мы остались стоять на прежней своей квартире в городе.

Полк наш простоял в сем месте во все сие лето, и стоять было ему тут недурно. Отец мой, пользуясь знанием своим немецкого языка, спознакомился тотчас с живущими тут поблизости дворянами и, будучи всеми ими обласкан и всячиною обсылаем, имел нередко с ними свидания, езжая к им в деревни и угощая сам у себя оных.

Из сих выездов его к соседственным дворянам памятен мне в особливости один, потому что и мне случилось при этом быть, и произошло при случае сем нечто смешное и такое, из чего можно некоторым образом видеть образ жизни дворян курляндских.

Одному из них, верст пять от города живущему, вздумалось позвать отца моего с лучшими офицерами к себе обедать. Отец мой на то охотно и согласился и взял с собою моего старшего зятя и человек трех из лучших капитанов, также и меня туда, и поехали. Мызник был нам очень рад, и по ласковому его приему думали все мы, что он угостит нас изящным образом, но что же впоследствии?

²⁷ Ингерманландия, или Ижорская земля, – местность по берегам Невы и по побережью Финского залива, некогда сплошь населенная финскими народностями и входившая в состав Вотской или Водской пятины Новгорода. Присоединена к России в результате русско-шведской войны (1702–1704 г.) Петром I и превращена вначале в Ингерманландскую губ., а с 1719 г. – в Петербургскую.

²⁸ Немант – Неман – река балтийского бассейна. Муха – небольшой приток Немана.

²⁹ Жилье, селенье, дом, изба.

Пришел двенадцатый час, подали по маленькой рюмочке водки и вместе с нею на тарелке по маленькому сухарику белого хлеба для закуски. Родитель мой тем был и доволен, ибо он не жаловал никогда пить много, но господам нашим русакам, гренадерским капитанам было сие уже первое не по нутру: для них лучше б было по хорошей красауле³⁰ и для закуски чего-нибудь такого, чего б можно было вполсыта наестся. Однако как приехали они все в первый раз к сему дворянину и притом не одни, а с своим полковником, то принуждены они были уже тем довольствоваться, ласкаясь по крайней мере тою надеждою, что скоро станут обедать и что за обедом наградят они уже сей недостаток. Выпивши по сей рюмочке, уселись они опять по своим местам и начали слушать не разумеемые никем из них немецкие разговоры у отца моего с хозяином. Сидят они и ждут обеда час, сидят другой, но обеда по завете нет. Пробыло двенадцать, пробыло час за полдни, миновала уже и вторая половина, но не слышно было, чтоб и тарелками гремели.

«Господи помилуй, – думают они и шепчут между собою:

– Когда это будет обед?..»

Однако нечего делать, принуждены сидеть и зевая дожидаться. Проходит наконец и вторая половина часа, бьет два часа за полдни, но на стол и собирать не помышляли. Тогда приняло уже их непутем:³¹ не привыкши никогда так долго говеть, бесились они и досадовали все на хозяина; они моргали моему родителю, давая знать свое удивление и нетерпеливость, но сей, будучи весьма скромный человек, терпел хотя сам голод, но не хотел нарушить благопристойность и просить хозяина о скорейшем накормлении, а удивляясь не меньше сам тому, как и они, шепнул одному из них, что ежели им скучно, так вышли б они на двор или пошли в сад и погуляли, а между тем распроедали о причине. Они сего только и дожидались, ибо, наскучив статуями сидеть, почти уже дремали.

Итак, покинув отца моего с мызником в разговорах, вышли все мы на двор, и тогда-то бы послушать надобно было всех их благословений мызнику: всяк наперерыв старался его ругать и бранить, и всякий ругал за то, что морит голодом, но ругательства и брани ему не такие пошли, как узнали причину. Все они до того думали, что, конечно, позабыл, что звал нас в день сей обедать, и заключили, что верно он тогда только велел готовить кушать, как мы приехали. Однако было совсем не то, а вышло наконец, что он нимало не позабыл и нас к себе ждал, а затем только на стол не собирает, что жареного нет и что не возвратился еще с поля егеря, посланный стрелять дичь всякую.

– И, дьявол бы тебя, проклятого, взял, – закричали они все, сие услышав, – и с своею дичью! Неужели у тебя нет никакого куска зажарить, и стоит ли того, чтоб для этого одного нас так долго морить?

Однако, как они ни сердились и ни бранились, но принуждены были еще с целый час поговеть для двух маленьких куличков, которых и обоих для одного человека было мало; но зато и дали же они ему, возвращаясь назад, изрядное благословение и всю дорогу о том продосадовали и продохотали.

Между тем как мы сим образом тут стояли, продолжал я по-прежнему учиться немецкому языку и арифметике, и как я был уже несколько постарее и понятнее, то ученье мне было уже не таково скучно, и тем паче, что учитель был уже смиреннее; сверх того и труды мои услаждаемы были частыми отпусканиями меня гулять, да и сверх того особыми удовольствиями, ибо, во-первых, угодно было родителю моему в сию весну записать меня в военную службу и поместить в полк свой в число солдат, а через месяц произвесть в капралы.³² Определение в службу малолетних было тогда не таково легко, как ныне, и родителю моему самого сего без-

³⁰ Красовуль, красауля – монастырская чаша, стопа, ковш, братина. У Болотова допущена ошибка: вместо о стоит а.

³¹ Собственно – беспутно; здесь: сильно, нехорошо, дурно.

³² Тогдашний унтер-офицерский чин.

дельного дела не можно б было сделать, если б на тот раз не находились мы за границей и вне своего отечества, ибо Курляндия и тогда нам не принадлежала. Сверх того помогло к тому и то, что имел он фельдмаршала себе приятелем.

Но как бы то ни было, но для меня имя солдата обращалось в превеликое удовольствие, а как сделали мне маленький мундир и нашили капральский позумент, то я уж не знал от радости что делать.

Вступив сим образом в военную службу, был я хотя по десятому году, но начал помышлять уже о военном и в праздное время и утешать себя такими забавами, которые к тому были приличны. Я спознакомился со многими мещанскими детьми сего местечка, уговорил и набрал из них целое капральство и человек до тридцати выбрал из них ефрейторов³³ и барабанщиков, снабдил их всех деревянными ружьями, а барабанщиков – маленькими барабанами. Потом, научившись сам бить в барабан и метать ружьем артикул,³⁴ переучил их всех к тому же, и наилучшая моя забава состояла в том, чтоб с ними порядочно маршировать и экзерцироваться ружьями; но не могу и поныне надивиться тому, как я тогда мог их довести до совершенного послушания и до того, что я мог с ними делать, что хотел. Всякий раз, когда надобно мне было их собрать, так нужно было только послать ефрейтора, как все безотговорочно и являлись.

Обыкновенное наше учение было в праздничные и воскресные дни; тут, собравшись, маршировали мы порядочно взводами через весь город; выхаживали в поле и делали разные экзерции, а нередко прохаживали до вышеупомянутого старинного замка, и, разделяясь надвое, некоторые приступали к оному, а другие, засев в оном и вскарабкавшись на стены и в проломах, оборонялись. Но дивиться надобно было, как не случилось нам тут никогда друг друга перебить: вокруг всего сего наполовину развалившегося замка лежало еще множество чугунных пушек с отрубленными ушами и между ими и мусором валялось множество больших ядер, а всего более пушечных картечей. Я не понимаю и дивлюсь еще и поныне, каким образом они уцелели тут от древности и не растасканы были поселянами; но как бы то ни было, всякий раз, как мы к сим развалинам ни прихаживали, наилучшее наше утешение состояло в том, чтоб собирать и выкапывать из мусора сии ядры и картечи и ими швыряться при делаемых нами приступах и оборонах, – и сам Бог нас охранял, что мы никому из нас не проломали ими голову.

Из сих детских игрушек явствует, что я с малолетства имел великую склонность к военному делу и, может быть, вышел бы из меня и воин, если бы судьбе угодно было расположить обстоятельства мои иначе, но провидение назначило меня не к тому, чтоб мне быть генералом, а совсем к иному. Но я возвращусь к истории.

Препровождая в таковых воинских игрушках нередко свое время, угодил я тем весьма много моему родителю и сделал то, что он хотя и скуп был на раздачу чинов, а особливо мне, однако по неотступной просьбе офицеров, которые все меня любили, произвел меня в подпорщики, а потом в каптенармусы и дал мне другой позумент.

Сие было опять мне причиною к великой радости. Я начинал уже мечтать о себе, что я уже нечто составляю, и как чин мой ни мал был, но я гордился уже оным. Я приумножил еще более мою военную команду и, перенимая все, как маленькая обезьяна, у старых, восхотел завести и такую строгую дисциплину, какая наблюдалась в полках, и не только учить их экзерции, но ослушных и наказывать по-военному, не предвидя того, что самое сие в состоянии было всем забавам конец положить и все дело испортить.

Один негодный мальчишка был тому причиною. Будучи несколько раз бранен за ослушание команды и за неприход в поведенное время и не хотя исправиться, побудил он нас всех сделать общий совет, чем бы нам за то его наказать, – и все мы были так глупы, что осудили

³³ Низший военный чин между рядовым и унтер-офицером.

³⁴ Собственно – отдел, глава; затем – воинский устав; здесь: ружейные приемы.

по общему приговору высечь его пред фруктом порядочным образом батожьями.³⁵ Сие и учинили мы во всей форме и бедняка сего, разложив, порядочно выпороли. Но бездельник сей разрушил все наши забавы и утешенья: он расплакался и разжаловался матери, сия разжаловалась своему мужу и подожгла иттить просить. Итак, дошла просьба о том моему родителю, и следствием от того было то, что все общество паше было разрушено, корпус кассирован, а мне учинена превеликая гонка.

Однако забавам сим и без того не можно б было долго продолжаться, ибо покойный родитель мой, видя меня час от часу возрастающего и приметив, что способности во мне ко всему от часу оказываются более, давно уж помышлял о дальнейшем поспешествовании моим наукам. О тогдашнем моем учении мог он уже сам усмотреть, что из всего оного мало прока выйдет, ибо я хотя и знал несколько тысяч немецких слов, но говорить был вовсе не в состоянии, ибо учитель мой вовсе не так меня учил, как надобно, или, прямее сказать, не умел как учить; и я думаю, что хотя бы я проучился у него еще три года, но и тогда говорить бы был не в состоянии, а особливо потому, что я, живучи дома, имел всегда случай говорить по-русски. По всем сим обстоятельствам и хотелось родителю моему уже давно отдать меня куда-нибудь в лучшую школу или к лучшему учителю, и как он узнал, что у одного соседственного курляндского дворянина содержался в доме для обучения детей учитель, то сведя с ним знакомство, и отдал меня к сему учителю.

И как с сего времени начинается новый период моей жизни и начало самого учения, то я предоставлю говорить о том в предбудущем письме, а сие сим кончу и остаюсь ваш и прочая.

³⁵ Бадаг, бадег, бадажок (более старинное – батог) – хлыст, хворостина, розги; множ. число – батоги и батожья.

В мызе Пац Письмо 9-е

Любезный приятель! Тот курляндский дворянин, к которому в дом меня отдали учиться, назывался господином Нетельгорстом и жил от местечка Бовска верст с 16 или около 20, на самой польской границе. Он был не убогий человек, имел в мызе Пац изрядный у себя дом и подле его прекрасный регулярный сад, украшенный множеством статуй, сам он был уже старик, и старик угрюмый и несговорчивый, но жену имел молодую, боярыню бойкую и прекрасную. Она была ему уже вторая жена, а от первой имел он двух сыновей, уже довольно взрослых: одного из них звали Ернстом и который ныне заступил место отца своего и владеет всею мызою, а другого – Оттою или Отгоном; сей находится ныне в Дерпте, комендантом или плац-майором.³⁶ От упомянутой же второй жены имел он только одну дочь, и ту еще маленькую; сыновья же его были несравненно меня больше и такими, каких ныне у нас более уже никто не учит. Но у курляндцев такого глупого обыкновения не было, чтоб оставлять детей полуобученными и сущими еще ребятками пускать в службу, – но они и тогда уже продолжали учиться, хотя большого времени было и женить. Для обучения их содержал сей дворянин не такого француза ветра, какие бывают у нас, а порядочного и ученого человека родом из Саксонии и прозванием Чааха. У сего не столько учились, сколько студировали они философию на латинском языке, ибо языкам и прочим прелиминарным³⁷ наукам они давно уже выучились.

Учитель сей был весьма степенный, важный и порядочной жизни человек; он студировал в лейпцигской академии или университете и, кроме прочих наук, умел довольно изрядно рисовать. Для спокойнейшего учения сделан был для него на дворе и окошками в сад особый домик, где он и жил с сыновьями господина Нетельгорста.

Сему-то человеку поручен я был на руки, с тем, чтоб меня не только доучивать по-немецки, но начать учить и по-французски, также и рисовать; а господин Нетельгорст был столько к отцу моему благосклонен, что взялся содержать меня при своем столе бесплатно. Меня привез туда сам покойный родитель и оставил меня тут, придав мне только одного моего прежнего дядьку для одевания меня и раздевания. Мне отвели место в том же маленьком домике, где жили сыновья господина Нетельгорста.

Таким образом вступил я совсем для меня в новый род жизни; до сего времени никогда еще не отлучаем я был из дому моих родителей, и это случилось еще в первый раз. Но отлучение сие и отдание меня в чужой дом, а особливо такой, каков был сей, послужило мне в бесконечную пользу, так что я и поныне еще благословляю священный для меня прах моего родителя за то, что он сие сделал, ибо тут не только в полгода я гораздо множайшему, а немецкому языку столько научился, сколько не выучил во все время у прежнего учителя, но и вся моя натура и все поведение совсем переменялось, и в меня впечатлелось столько начатков к хорошему, что плоды проистекли из того на всю жизнь мою.

Обстоятельство, что во всем этом доме не умел никто по-русски говорить ни единого слова, весьма много поспешествовало к тому, что я весьма скоро начал уже порядочно говорить по-немецки и научился сопрягать слова нечувствительно. Ибо как дядьку моего я видел только по утрам и по вечерам, а все прочее время принужден был препровождать и говорить с немцами, то самая неволя заставила меня перенимать и учиться с ними говорить их языком. За тихое мое поведение, переимчивость и охоту к наукам меня скоро все полюбили, а хозяева сего дома содержали меня не иначе как своего сына и не только ласкали наивозможнейшим образом, но и старались поправлять мои поступки и поведение, однако не строгостью и не

³⁶ Плац-майор – собственно помощник коменданта.

³⁷ Собственно – предварительным; здесь: общеобразовательным.

браньями, а все ласкою и благоприятием. Во все время моего у них пребывания не слышал я от них ни единого бранного слова, а ласки их и попечение обо мне были так велики, что я и поныне еще благословляю прах их и за все их благодеяния чувствую благодарность. Сам учитель мой так меня любил и столько понятием моим был доволен, что я ни однажды не только не терпел от него таких пыток, как от прежнего, но и легкого сечения, и сколько помню, то однажды только погрозился и хотел было меня высечь розгами, да и то за какую-то непростительную шалость, так что я сам себя признавал того достойным. Что касается до моих соучеников, то как они были меня старше, то и не можно было мне иметь с ними компанию детскую и резвиться. Они содержаны были очень строго и в совершенном повиновении у родителей, не смели предпринимать ничего худого, воспитаны были очень хорошо, были хорошего поведения и имели охоту к наукам; а сие много помогло тому, что я от них не мог перенимать ничего худого, а напротив того, перенимал все хорошее и нечувствительно получил склонность как к наукам, так и к рисованию.

Словом, жить мне было тут так хорошо, весело и приятно, что я не только тогда очень скоро позабыл дом родителей моих, но и поныне, напоминая тогдашний период жизни, чувствую в душе моей некое удовольствие и почитаю оный наилучшим и приятнейшим временем моего младенчества. Мы учивались каждый день до обеда и после обеда, и я учился когда читать по-французски, когда писать и рисовать, а между прочим получил начальные понятия и о географии; каждый час приносил мне пользу, и не только учебный, но и всего прочего времени. Обедать и ужинать хаживали мы обыкновенно в большие хоромы к старику, а после обеда хаживал меня нередко учитель с собою гулять по саду, а в иное праздное время, а особливо по вечерам, бывали мы в хоромах, и я принужден был вести себя кротко, благочинно и порядочно. В праздники же и в воскресные дни нередко отпускали меня к моим родителям в местечко Бовск, а иногда старик сам меня туда хаживал; а иногда приезжал и покойный родитель к нам.

В сем-то месте и в сие-то время впечатлелись в меня первейшие склонности к наукам, искусствам и художествам, продолжавшиеся потом во всю мою жизнь и производившие мне столь бесчисленные и приятные часы и минуты в жизни. Всему хорошему, что есть во мне, начало положилось тут, а сверх того имел я и ту пользу, что, живучи в таком порядочном доме, имел я первый случай узнать и получить понятие о жизни немецких дворян и полюбить оную.

Я жил и учился тут во все то время, покуда полк наш стоял в Курляндии, что продолжалось более года. В сие время нередко видался я с моими родителями; они жили сначала все в том же местечке, куда приехала потом и большая моя сестра с мужем. Для сего свидания обыкновенно ездил я к родителям с моим дядькою, летом верхом или в одноколке, а зимою в пошевенках³⁸ и, пробыв у них воскресенье, возвращался обратно к понедельнику на свою мызу.

Самые сии недалние, по частые переезды и путешествия и подали случаи к некоторым особливым и хотя не важным, однако таким со мною около сего времени приключениям, которые так впечатлелись в мою память, что я и поныне их забыть не могу, и к коим наиболее характер дядьки моего был поводом.

Сим дядькою, у меня был один из служителей нашего дома, по имени Артамон. Он был сын старухи, бывшей у покойной родительницы моей еще нянею, и человек не глупый, умеющий грамоте, ходивший за мною довольно изрядно, но подверженный той проклятой слабости, которой так многие наши рабы подвержены бывают: то есть, любил иногда испивать. Другой порок в нем был тот, что он чрезвычайно любил курить табак; впрочем же был лучший у нас слуга, и любил меня как должно; что ж касается до меня, то я любил, его чрезвычайно, но это

³⁸ Сани.

и не удивительно, потому что он всегда за мною ходил, а тогда и жил только один со мною в чужих людях. Одно из вышеупомянутых приключений было следующее.

Некогда, побывав у родителей моих, случилось мне с ним из Бовска поехать обратно на мызу, в одноколке. Было то летом, и не рано, а часа за полтора или за два до вечера. Одноколка была у нас с ним легонькая мызеничья, в одну лошадь, и я обыкновенно сиживал в ней, а он у меня позади и правил. Сим образом бывало мы с ним одни и едем, и дорогою обыкновенно о чем-нибудь разговариваем. Он читывал довольно наших церковных книг, и часто рассказывал мне все, что знал о сотворении мира, о потопе и о прочем, относящемся до библейской истории, которая была ему нарочито сведома. И я могу то в похвалу ему сказать, что первейшими понятиями о создании мира, а отчасти и о законе обязан я ему, а потому и слушивал я всегда его с удовольствием, и мне с вышеупомянутым образом ездить никогда было не скучно.

Но в сей раз случилось совсем тому противное. Пред самым отъездом, какому-то приятелю захотелось его поподчивать и вкатить в него рюмки две-три лишних. Мы не знаем того не ведам, и ни мне и никому иному и в ум не приходило приметить, что дядька мой был и в то уже время на девятом взводе, как я садился в одноколку. Но не успел я с ним выехать, как его так начало разнимать, что я, каков ни мал был, но мог уже приметить, что дядька мой пьян. Вскоре после выезда надлежало нам переезжать реку Муху, и спускаться подле развалин замка, под гору; уже и тут он меня напужал, будучи не в состоянии довольно сильно держать лошадь, которая чуть было нас с ним не опрокинула. Однако как бы то ни было, но мы реку благополучно переехали, и поднялись на гору. Тут к несчастью моему случись корчма; дядька мой не успел ее увидеть, как захотелось ему выпить винца еще. Он стал меня уговаривать, чтоб я подержал на минуту лошадь, а он зайдет на часок в корчму и раскурит свою трубку. Я хотя и догадывался, что у него не трубка на уме, и хотя старался его уговаривать, чтоб не ходил, однако просьбы мои остались тщетны. Он пошел себе в корчму и я принужден был нехотя стоять и его дожидаться. Что он там делал, того уже не знаю, но после нескольких минут возвратился с трубкою во рту, но при том гораздо уже пред прежним пьянее, и так, что почти на ногах стоять не мог. Обмер я, испужался сие увидев, и не знал, что мне с ним делать; ехать еще было очень далеко, я легко мог заключить, что править лошадью был он совсем не в состоянии. Назад возвращаться было также уже версты три и при том переезжать опять реку и страшную гору. Сверх того не хотелось мне и на гнев привести моих родителей, и дядьку своего наказанию подвергнуть. Сколько мне ни горестно и не досадно на него было, однако при всем том было его жаль. В сей крайности находясь, решился наконец я посадить его с собою в одноколку, и предавшись в волю судьбы, продолжать путь далее и править уже лошадью самому. Время тогда было хорошее, дорога гладкая и мне довольно знакомая, а и вечер еще был не слишком близок, и так, думал я, поеду себе потихоньку, авось-либо как-нибудь доеду и его доведу. Но тут великого труда мне стоило преклонить его к тому, чтоб он сел рядом со мною. Пьяные обыкновенно много о себе и о силе своей думают, и так насилу-насилу я его уговорил и посадил с собою, но что ж впоследствии?

Не успели мы еще версты отъехать, как дядьку моего уже не путем и так розняло, что он не в состоянии был и одного слова порядочно выговорить, а более мычал, нежели говорил. От вихляния и качанья его во все стороны я приходил ежеминутно в страх и трепет, того и смотрел, что он у меня полетит чрез голову из одноколки. Я поддерживал его сколько было силы, но как выбился из сил, а притом приметил, что он дремлет, то уговорил его, чтоб он к одному углу прилег и себе заснул. Он тому и рад был, а мне хотя и тесно было уже сидеть, но я также рад был уже тому, что он заснул и захрапел как боров, и я не имел нужды его держать.

Сим образом продолжая путь потихоньку, доехали мы с ним благополучно до одного большого и густого леса, который находился уже неподалеку от нашей мызы, простирался версты на три длиною и сквозь который надлежало нам необходимо проехать, и притом узкою, дурною и колеистою дорогою. До сего места ехали мы все-таки хорошо, дорога была гладкая,

лошадь смиренная, ехали мы все полями и лугами и притом днем и еще засветло; но как пред въездом в сей лес уже начало смеркаться, то стал я уже и заботиться о том, как бы скорее проехать лес, а притом гораздо уже и потрушивать. Густота высокого леса темноту вечернюю умножала еще больше, и нагоняла на меня тем паче ужас, что мне никогда еще не случалось бывать одному в таком лесу, и еще одному, ибо дядька мой что был, что нет, все равно, он храпел только и спал наиспокойнейшим образом, как убиты. К вящему несчастью пришло мне на память, что я слышал, что в сем лесу водилось множество волков. Сие еще меня пуще смутило и озаботило; я не знал, что делать и рассудил испытать, не могу ли я разбудить моего спутника; но он так крепко почивал, что все кликанья, трясенья и толканья ни малого не производили действия: он вовсе их не чувствовал и только что сопел. Тогда перетрусился я еще того больше, ибо до того все-таки надеялся, что его разбужу и мне с ним с несонным не таково страшно будет ехать.

Между тем ночь приближалась уже скорыми шагами. Сумерки уже оканчивались и становилось уже совсем темно, а мы еще и половины леса не проехали, а только добрались до самой его густоты и дурнейшего места. Тут восхотелось мне еще раз испытать его пробудить, я собрал все свои силы сколько их ни было, и не пронявшись трясением и токанием, начал его приподнимать, но самым тем все дело еще хуже испортил. Несчастье мое хотело, чтоб самое то время, когда я с ним сим образом возился, вогнало одно колесо одноколки моей в преглубокую колею, и одноколку мою от того в ту сторону, где он сидел, так качнуло, что он полетел как чурбан чрез колесо и прямо в грязь. Не могу вспомнить, как я тогда испужался, и надивиться тому, как он и меня с собою не утащил. Но как бы то ни было, но я остался почти висящим на одноколке и столько еще имел памяти, чтоб остановить лошадь. По особливому счастью сия была весьма смиренная скотина, и тотчас велению моему повиновалась. Я сошел тогда с одноколки, старался еще всячески разбудить моего товарища и спутника: но он так был пьян и так спал крепко, что и самое падение не могло его растрогать. Он лежал себе в грязи, как на мягкой постели, и ни о чем не помышлял, только всхрапывал. Тогда потребен был для меня хороший совет: но к несчастью мне дать было его некому, а сам я был еще слишком к тому мал, чтоб мог придумать, чтобы мне в таком случае сделать было лучше. Правда, мне и пришло было на мысль, чтоб, оставя его тут, сесть опять в одноколку и ехать одному до мызы, и оттуда прислать за ним, чтоб и лучшее было средство. Но статочное дело, чтоб я мог тогда на сие отважиться и решиться. Любовь к дядьке моему не так была мала, чтоб я мог оставить его одного, и в таком состоянии в лесу: я не иначе заключил, что его съедят тут волки и потому тотчас сию мысль откинул, а приступил к делу самому детскому, совсем невозможному и силы мои превосходящему, а именно, я начал его совсем бесчувственного тащить ближе к отъехавшей на несколько шагов одноколке, и возмечтал себе, что я могу его как-нибудь поднять и положить в оную. Но всякому можно рассудить, в силах ли я был сие сделать и не тщетно ли мое было предприятие. Но как бы то ни было, однако я приступил к сему делу, и не зная даже, страх ли, или самая крайность нужды, силы мои столько подкрепила, что я хотя с превеликим трудом, однако кое-как дотащил его до одноколки, и, приподняв верхнюю половину тела, прислонил уже к оной. Легко можно рассудить, что сей необъятный для меня труд меня крайне изнурил, я запыхался насмерть и сделав сие, принужден был отдыхать и собирать вновь силы, чтоб докончить желаемое предприятие. Но я, сколько бы ни старался, но верно бы его не исполнил, ибо на одноколку поднять не было уже никакой для меня возможности, и я истинно не знаю, чем бы кончился мой тщетный труд, если б в самое то время, как только начал я с дядькою моим вновь ворочаться, новый нечаянный случай всего намерения моего не разрушил, и смятения моего и страха еще больше не умножил. Откуда ни возмись и порхни из-за куста какая-то большая птица, и думать надобно, что сова: лошадь моя, стоявшая до того как вкопаная, какова была ни смирна, но нечаянным шумом и шорохом сим так была испугана, что вдруг шарахнулась

и что ни есть мочи с одноколкою поскакала и оставила меня одного с упавшим опять в грязь и спящим моим дядькою.

Теперь вообрази себе всяк, каково было мне тогда, будучи десятилетним ребенком, остаться одному посреди большого густого и в самом деле страшного леса, и притом еще ночью, и с одним только опьянившимся до бесчувства человеком! Состояние, в котором я тогда находился, было действительно таково, что я его изобразить никак не в состоянии. Внезапность и неожиданность сего происшествия так меня поразила, что я лишился и последнего ума и рассудка. Когда действовала до сего во мне единая боязнь, так постигло меня тогда уже совершенное отчаяние. В единый миг вообразилась мне тогда вся великость опасности, в которой я тогда находился, я не иначе полагал, что меня съедят тут волки и что я за верное в ту ночь погибнуть буду должен: вообрази же теперь всяк, каково ребенку быть в таковых помышлениях и готовиться к смерти! Боязнь моя превратилась в сущее отчаяние, я так оробел и в такое пришел малодушие, что залился слезами, поднял превеликий вопль и крик, бегал и метался, как сумасшедший и не знал что делать. Несколько раз предпринимал я бежать вслед за ушедшею моею лошадыю, и несколько раз, будучи не в состоянии ее догнать, опять назад возвращался. Не успею отбежать несколько сажень и забежать за кусты, почувствовать, что я один, как страх так меня обьмет, что я опрометью побегу назад к моему бесчувственному спутнику. Сей сколь ни слабую составлял мне тогда подпору, и сколь ни мало мне мог служить защитою и обороною, но я в отчаянии своем рад уже был тому, что хоть он со мною остался. Надежда, что авось-либо он как-нибудь проснется и сколько-нибудь опамятуется, подкрепляла меня в моем страхе и отчаянии.

Я позабыл уже тогда всю мою на него досаду, прилеплялся к нему как к единой моек защите ни обороне, будил, просил, умолял, обливал его слезами, и всем тем добился только до того, что он однажды промычал, но сие в состоянии уже было меня неведомо как обрадовать, и подействовало столько, что я пришел сколько-нибудь опять в рассудок, и мог уже рассудить, что я криком и воплем своим ничего себе не помогу, а в состоянии только буду скорее волков к себе приманить. Сия мысль столько подействовала, что я тотчас плакать и шуметь перестал, а вытащив кое-как дядьку моего из грязи на травку, сел подле него и прижавшись к нему наиплотнейшим образом, сидел молча ни жив, ни мертв, дожидаясь его пробуждения или того, что судьбе со мной учинить будет угодно. Но сия и сжалилась, наконец, над моим состоянием. Приведя меня нечаянностью в отчаянный страх и действительную опасность, восхотела она таковой же нечаянностью и освободить меня из оногo. Одному мужику, принадлежащему господину Неттельгорсту и работавшему во весь тот день у нас на мызе, власно как нарочно велено было не прежде домой ехать, как по окончании одного порученного ему дела, и за самым тем замешкаться до самой ночи. Он возвращался тогда в свою деревню, и как ему сквозь самый сей лес ехать было надобно, то не успел он к нему подъехать, как повстречался с моею лошадыю и пустою одноколкою. Хотя был он латыш, однако легко мог заключить, что это не даровое, и что лошадь людей конечно выпрокинула и сбила; а как случилось к тому так, что ему и самая лошадь и одноколка, как принадлежащая господину его, была знакома, а и то было ведомо, что я на ней ездal, то легко он мог догадаться, что ехал на ней я. Поелику сему добросердечному крестьянину было и то известно, сколь любили меня господа его, то все сие так его встревожило, что он бросился тотчас и перехватил мою лошадь, привязал к своей телеге, поскакал по дороге к нам и чтоб ему нас не проехать, стал то и дело аукать и кричать, чтоб вы слышали.

Слух кричанья сего весьма скоро и достиг до нас, и тут я уже не знаю, как изобразить мне ту радость, которую почувствовал я, сей крик и название самого моего имени услышав. И думаю, что если бы был то глас и самого ангела, то не больше бы ему обрадовался. С превеликим восхищением вскочил я и, забыв всю горесть, побежал навстречу добродушному мужичку, меня призывающему, и ведущему за телегою своею мою лошадь с одноколкою, и не знал, как возблагодарить ему за его одолжение. Он удивился, нашед меня одного в лесу, а того больше

еще, как я довел его до моего спутника и показал ему оного. С негодованием и бранью поднял он его и, бросив в свою телегу, был столь добродушен, что сам сел со мною в одноколку, а телегу привязал сзади и довез меня до мызы.

Сим образом кончилось сие происшествие, и дядьке моему надлежало бы получить за то наижесточайшее наказание; но как поспавшись стал он у всех валяться в ногах и просить, чтоб его тут наказали, а родителю моему сего не сказывали, а особливо валяясь у ног, просил о том меня, то и отделался он небольшим за то наказанием от мызника.

В другом раз самый тот же мой дядька, и на таковом же путешествии, но уже и не пьяный, да и днем, стравил было меня действительно волками. Было сие следующим образом.

Однажды случилось нам с ним ехать, но не летом, а зимою, в санях из помянутой мызы Пац в местечко Бовск, к моему родителю. Обыкновенно езжали мы с ним в пошевенках, я, окутавшись, в них сиживал, а он у меня правливал. В сей раз поехали мы поутру и спешили поспеть к обьеду. Но не успели мы вышеупомянутый большой лес проехать, как увидел дядька мой в стороне небольшую деревеньку, отстоящую от дороги не более как сажень на сто. Вид оной возбудил в нем охоту раскурить трубку его с табаком, до чего был он, как я уже упоминал, превеликий охотник. Но как огнива с ним не случилось, то захотелось ему сбежать в сию деревню и раскурить там оную. «Постойте, батюшка, здесь», говорит он мне, «а я на минуточку сбегаю в сию деревушку и раскурю трубку». Мне и не весьма хотелось его отпустить от себя и остаться одному, однако он убедил и уластил меня своими просьбами: «и день-то теперь, и бояться нечего, и жило близко, и опасности никакой быть не может, и лошадь он завернет, и она уйтить не может», коротко, он столько мне наговорил и так меня улестил, что я и склонился на его просьбу и сбежать туда дозволил. Но надобно же было как нарочно случиться так, что не успел он уйтить у меня из глаз и вбежать в деревню, как где ни возмись не один, а целое стадо волков, и не далее от меня впереди как сажень на тридцать. Я обмер, испужался их увидев, ибо такого большого стада волков не случалось мне никогда видывать, и как считал я себя уже погибшим, то кровь леденела от ужаса в моих жилах, и я не знал что мне делать, и сидел ни жив ни мертв, прижавшись в уголок моих санок. Однако страх мой был по пустому. У волоков и на уме не было на меня нападать, но они около сего времени копились и шли вереницею один за одним, вслед за волчицею. Было их волков с двадцать, однако все они, перешед дорогу, прошли спокойнейшим образом далее в лес. А между тем прибежал и мой дядька, и на смерть испужался, как услышал, что без него со мною случилось. Тут пошли опять просьбы и умаливания, чтоб я и о сем приключении отцу моему не сказывал, и как страх мой был кратковременный, то я наконец, любя и жалея его, на то ни склонился.

Из прочих происшествий, бывших в течении сего 1748 года, памятно мне только то, что однажды приезжали мы с стариком господином Нетельгорстом, к покойному родителю моему, в какой-то большой праздник обедать, и что я при сем случае наделал смех и проказу. Так случилось, что приехав в Бовск довольно еще рано, не застали мы покойного родителя моего дома, который в самое то время находился еще в лагере для слушания обедни и молебна, и оттуда еще не возвратился. Как лагерь нашего полку не далее отстоял от города, как на версту, то приди старику моему охота ехать туда, отчасти чтоб посмотреть лагерь, а отчасти чтоб видеть нашу божественную службу, которой он никогда еще не видывал, почему и велел он кучеру туда ехать. Но что ж воспоследовало? Не успели мы подъехать к шатру, в котором поставлена была церковь, как вдруг увидел я расстановленных подле нее моих злодеев пушек, и канониров подле них с курящимися фитилями. Я и не знал о том, не ведал, что в тот день производиться будет толь страшная для меня пальба из пушек, почему неожиданное сие зрелище так меня поразило, что я побледнел и вся кровь во мне взволновалась от ужаса. И как мы остановились подле самых пушек и я со всякою минутою ожидал стрельня, то что ж я сделал?... Таки не долго думая, сиг из кареты в опущенное с моей стороны окно, и дай Бог ноги! побежал куды зря, и на прорез сквозь весь лагерь и даже за обоз и до тех пор неоглядкою как стрела летел,

покуда только бежать мог и покуда не остановило меня болото, в которое вбежал я по кочкам по колено.

Между тем, как я сим образом без памяти бежал, происходила у церкви сушая комедия. Так случилось, что скачка и бегства моего никто ни приметил. Старик мызник в самое то время выходил из кареты и был ко мне спиною, следовательно ему видеть было не можно; а лакей, который один только у нас позади и был, упражнялся тогда в придерживании старика, своего господина, и помогании выходить ему из кареты, а потому за ним и ему приметить бегства моего было не можно. Кучер наш и форејтер, вылупя глаза, смотрели на церковь и на пушки, а всех прочих случившихся тут людей глаза обращены были на выходящего из кареты мызника, и всем им не ума было взглянуть, что делалось позади кареты и в той стороне, куда я восприял бегство; к тому ж, как тут в близости стояли ящики и солдатские палатки, то я в один миг за них забежал и от глаз их скрылся. Словом, так случилось ненароком, что бегство мое было совсем не приметно.

Но теперь вообрази себе всяк, в какое изумление пришел наш лакей, когда, выпустя мызника, хотел помогать из кареты выходить мне, и вдруг увидел, что в карете никого нет! Он глядь туда, глядь в другую сторону, глядит позади кареты обегаю кругом, но столько же видит. «Господи помилуй! говорит он, да где ж маленькой боярин, куда он девался?» – кричит, зовет меня по имени, но никто ему не отвечает! «Батюшки мои! говорит он, продолжая бегать кругом кареты и соваться как угорелая кошка, – да где ж это он?» Спрашивает у кучера, спрашивает у форејтера, но те говорят, что не знают и что не видал никто меня, и хотят с каретой отъезжать, но слуга кричит: «стой и погоди» и продолжает искать меня далее. Между тем старик, не оглянувшись, отошел несколько шагов от нас, и подходит уже к самой церкви и к тесноте народной. Но тут вздумалось ему оглянуться назад, дабы меня взять за руку и провесть: но как изумился он, когда позади себя ни меня, ни своего лакея не увидел. Он остановился и стал нас поджидать, но как увидел, что оба мы не показываемся еще и в ограду церковную, которая была по обыкновению плетневая и превысокая, то удивление его умножалось с каждою минутою и наконец, придя в нетерпеливость, принудило его иттить назад и нас кликать. Но сколь изумился он, когда увидел лакея своего помянутым образом бегающего только около кареты и меня ищущего.

«Что вы там стали, закричал он на него, и что нейдете?» – «Да чего, сударь, иттить, я не найду молодого боярина. – «Как это не найдешь, он тут был, дурак! и со мною сидел в карете». – «Я сам знаю, что он тут был, и с вами приехал, но воля ваша, его нет и я не нашел его ни в карете, ни за каретою». – «Врешь ты дурак, как это не найтить, куда ему деться. Он был в карете как я выходил, разве ты не видал, как он вышел и не ушел ли вперед?» – Какое, сударь, в карете, в ней-то его и не было, как вы выходить изволили; тому-то я и дивлюсь и не понимаю куда он делся» – «Что ты врешь! как это! он был со мною – нельзя стать. . . . куда ему деться?» – Да воля ваша, а его не было, и я готов присягнуть в том, что его в карете не было, а вы один вышли. – «Господи помилуй! что это? либо ты пьян, либо я себя не помню. Я, кажется сам с себя не сколок, и знаю всего уже вернее, что он остался в карете, как я пошел из оной». – «Ну! что ни извольте говорить, а его не было, и дверцы другие заперты, как были и никто их ни растворял, а в те, в которые вы вышли, я готов умереть в том, что он не выходил».

Таковые уверения смутили моего старика и привели его в такое изумление, что он не знал что думать и заключить; в самое то время закричали из церкви, чтоб начинали стрелять. И тотчас из пушки бух! Лошади в карете шарахнулись и начали прыгать. Кучер силится держать, кричит форејтеру; тот не удержит. Из пушки еще раз бух! лошади давай беситься, закусили удила и понесли карету куда зря; народ бросился за нею, поднялся крик и вопль: лакей бежит за нею, мызник за ним; один кричит: «стой! стой!», другой: «держи! держи!», мызник охает: «эх! разобьет и исковеркает карету. Экое горе! экая беда!» Шум увеличивается, и распространяется до церкви, весь народ перетревоживается и бежит из церкви; один говорит то, другой

другое, а все не знают истинной причины. За народом выходит и покойный родитель мой со всеми офицерами, спрашивает, что такое? не убило ли опять канонира? – никто не знает и не отвечает. Наконец усматривает моего мызника: «Ба! ба! ба! Господин Нетельгорст! откуда это вы взялись и давно ль приехали сюда, к нам?» – «Сей только час, господин полковник. Но чего, сударь, лошади мои перепугались вашей стрельбы, и помчали теперь и коверкают карету, и я думаю, что всю ее в дребезги расщелкают.» – «Но мальчишка-то мой уж не в ней ли?» спросил, встревожившийся отец мой. – «Нет! нет, ваше высокоблагородие, в ней-то его нет но... но... но...» – «Что но...?» подхватил испугавшийся мой родитель и не дал ему далее выговорить. «Уж не убил ли его, господин Нетельгорст? Да где ж он, я не вижу его, а вы хотели привезти его с собою». – «Я привез его, господин полковник, но какая диковинка! истинно не знаю сам, что сказать...»

Легко можно всякому себе вообразить, что слова сии еще пуше родителя моего смутили и встревожили, его с ног до головы как морозом подрало. – «Батюшка ты мой! возопил он: сказывайте, ради Бога, скорей, что с ним сделалось и где ж он, когда вы его привезли? Конечно он там же в карете, и вы мне только не сказываете. Государи мои, обратясь он к офицерам закричал, бегите ради Бога и ведите как-нибудь остановить и удержать, и спасайте мне ребенка, у меня он один только и есть! Ах, господин Нетельгорст, что вы со мною сделали? ну-ка его убьют!..» – «Нет! нет! господин полковник, этому быть не можно, право не можно, не извольте тревожиться, его ей-ей нет там». – «Но где ж он?»

На сей вопрос паки не знал старичок мой, что сказать и опять занялся и остановился; но как начал покойный радетель мой уже не путным делом приставать, то принужден он был наконец сказать: – «Чего, господин полковник, он приехал со мною до самого сего места благополучно, но, между тем, как я выходил из кареты, он оставшись в ней, такая диковина, в одну минуту сгиб у нас и пропал, и мы оба с слугою не знаем, не ведаем, куда он делся: выходить не выходил, а в карете уж его, и за каретою нигде не нашли, и нигде его нет, сколько ни искали».

Сии слова не уменьшили, а умножили еще смущение моего родителя и его недоверчивость. – «Умилосердитесь! сказал он, господин Нетельгорст. Можно ли сему поверить? куда ему деться, если б он привезен сюда был? Нет, нет, а конечно есть что-нибудь иное?» Но как он начал клясться и божиться, что говорит правду, а и пришедший слуга подтверждал тоже, то не только родитель мой, но и все офицеры впали в великое недоумение, не знали что обо мне заключить, и разослав повсюду солдат и людей меня искать и спрашивать, сами только сему странному случаю дивились.

Что касается до меня, то я, между тем, как у них все сие тут подле церкви происходило, стоял по колено в болоте и считал только пушечные выстрелы, и как стрельба пресеклась, то выдравшись из грязи, пошел себе как ни в чем не бывало, прямо чрез обозы и чрез лагерь к церкви. Тут увидел я уже многих людей, бегающих и ищущих меня и обрадовавшихся, когда меня увидели. Они взяли молодца под руки привели к родителю моему, которой нечаянному явлению моему так обрадовался, что, вместо брани за мою трусость, расцеловал меня и в глаза и в щеки. Не могу вспомнить, какой смех тогда у всех поднялся и как начали иные хвалить мое проворство, когда узнали, каким образом я скрылся и как в окно из кареты выскочил; однако после не прошло без хорошей мне за то гонки.

Сим образом кончилось тогда сие происшествие, а как вскоре после меня привели и карету с лошадьми, ничем почти не поврежденную, то поехали мы все в Бовск, и погостив у покойного родителя, возвратились в свою мызу.

Несколько времени спустя, случилось мне опять быть в Бовске. В сие время приехал какой-то генерал для смотрения полку нашего и был покойным отцом моим угощаем. Я при сем случае пожалован был сим генералом в сержанты,³⁹ ибо сам покойный родитель мой не

³⁹ Сержант – старший унтер-офицер, фельдфебель. Дворянских детей записывали сержантами для скорейшего получения

хотел никак на то согласиться, чтоб меня произвестъ в сей чин, совесть, чтоб его тем не упрекали. Но как сему гостю я отменно полюбился за то, что, будучи ребенком, умел порядочно бить в два барабана вместо литавр при игрании на трубах, то, взяв сие в предлог, сделал он сие учтивство в знак благодарности за угощение хозяину.

Я не могу довольно изобразить, как обрадован я был сим происшествием и как мил мне был третий позумент, нашитый на обшлага мои. Я думал тогда о себе, что я превеликий человек, и стал действительно оттого учиться ревностнее и прилежнее. А как между сим кончился и 1748 год, то окончу и я свое письмо, сказав вам, что я есмь, и прочая.

Поход в Петербург Письмо 10-е

Любезный приятель! Из бывших в начале 1749 года происшествий не помню я никакого такого, которое бы стоило повествования; а то только памятно мне, что пред окончанием зимы, неизвестно для каких причин, штаб нашего полку из местечка Бовска выведен, и родителю моему отведена была квартира на одной, за несколько верст от Бовска лежащей, дворянской небольшой мызе, называемой Клейн Мемельгоф, и что он под конец зимы стоял уже в оной и я к нему уже туда принужден был ездить. Также памятно мне то, что сия мыза принадлежала одному несчастному курляндскому дворянину Корфу, заколотому незадолго до того на поединке другим дворянином, по имени Шепинг, и что поединок сей, происходивший во время стояния нашего в Бовске, был столь славен, и мы так наслышались об обстоятельствах оного, что оные даже и теперь мне памятны; и как они не недостойны замечания, то и перескажу я оные.

У помянутого Шепинга была жена молодая и красавица; но сколь хороша была она, столь дурен, мал и невзрачен был помянутый муж ее. Что касается до Корфа, то жил он у него в недалеком соседстве и был холостой, малый молодой, высокий и взрачный⁴⁰ собою, прекрасный, ловкий, но и азартный. С Шепингом были они знакомы и друзья, но говорили тогда, якобы Корф влюбился в его жену, и та будто бы ему несколько и ответствовала, но, имея мужа строгого и весьма проворного, принуждена была скрывать тайное свое с Корфом согласие; однако, как они ни таились, но от мужа не могло сие сокрыться: он узнал и, приревновав к жене, стал ее содержать строже. Самое сие, как говорили тогда, было истинною причиною сей дуэли, а наружным поводом и предлогом к тому была небольшая обида, оказанная Корфом Шепингу. Сей Корф, надеясь на взрачность, силу и на умение свое стрелять и драться на шпагах, искал сам случая поссориться с Шепингом, ибо не сомневался в том, что он его либо застрелит, либо заколет и чрез то может со временем получить жену его за себя. Как вознамерился, так и сделал. Бывши однажды на охоте, заехал он умышленно в одну деревню, принадлежащую Шепингу, и под предлогом спрашивания у мужика его пить, велел искать силою пива и нацедить, а между тем умышленно выпустить всю бочку у хозяина. Мужик принес жалобу о том своему господину. Сему показалось сие слишком обидно; он послал с выговором о том к Корфу и с требованием, чтоб он мужика удовольствовал. Сей только того и ждал и, сочтя требование его для себя слишком грубым и обидным, предложил ему, для удовлетворения мнимой обиды, поединок, ведая, что Шепингу по тамошнему обыкновению нельзя будет от того отказаться, в чем и не обманулся. Шепинг хотя и не хотел, но принужден был на то согласиться и назначить к тому день и место.

Поелику поединки в Курляндии были тогда в великом обыкновении и равно как позволенными, то оба они не имели причины таиться, но оба положили сделать его публичным; а потому не успели они об оном условиться, как вся Курляндия об оном сведала и все начали говорить об оном и с нетерпеливостью ожидать, чем дело сие кончится. До нас самих дошла тотчас о том молва, почему самому и помню я, что тогда о сем деле говорили и рассуждали. Все винули Корфа и сожалели Шепинга, почитая за верное, что сей последний лишится жизни, ибо никак не думали, чтоб он мог одолеть Корфа, который был самый величень⁴¹ и сущий головорез, и притом славный стрелок из пистолета. Но не только прочие, но и сам Шепинг заключал самое то же и потому готовился к поединку сему, как на известную смерть и никак не думал остаться в живых, почему, отправляясь с секундантами своими на оный, не только

⁴⁰ Видный, казистый, красивый; в настоящее время осталось с отрицанием – невзрачный.

⁴¹ Великан.

распрощался навек с своими родственниками, но повез с собою даже гроб для себя. Что же касается до Корфа, то ехал он с превеликой пышностью и в несумненной надежде победить, почему самому и не внимал никаким уговариваниям друзей своих, старающихся примирить его с Шепингом полюбовно и без драки. Всем нам известен был не только день, но и час, в который они драться станут и который, против чаяния всех, сделался бедственным Корфу. Несчастье его состояло в том, что Шепинг не согласился драться на пистолетах, а предложил, не устроясь величины Корфа, шпаги. Сие он всего меньше ожидал; но как выбор оружия зависел от вызванного на поединок, то нельзя было ему уже того и переменить. Кроме того, сделал Корф и другую погрешность, состоящую в том, что он пошел на Шепинга с излишним и непомерным азартом, а особливо как его сначала он поранил и просить стал, чтоб перестать и помириться. Ибо как для его слишком обидно было и несносно быть от малорослого Шепинга побежденным, то, закричав: «Нет, каналья, либо ты умри, либо я!» – пустился на него с толикою яростью, что сам почти набежал на шпагу своего противника и в тот же миг испустил дух свой, будучи им проколот насквозь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.